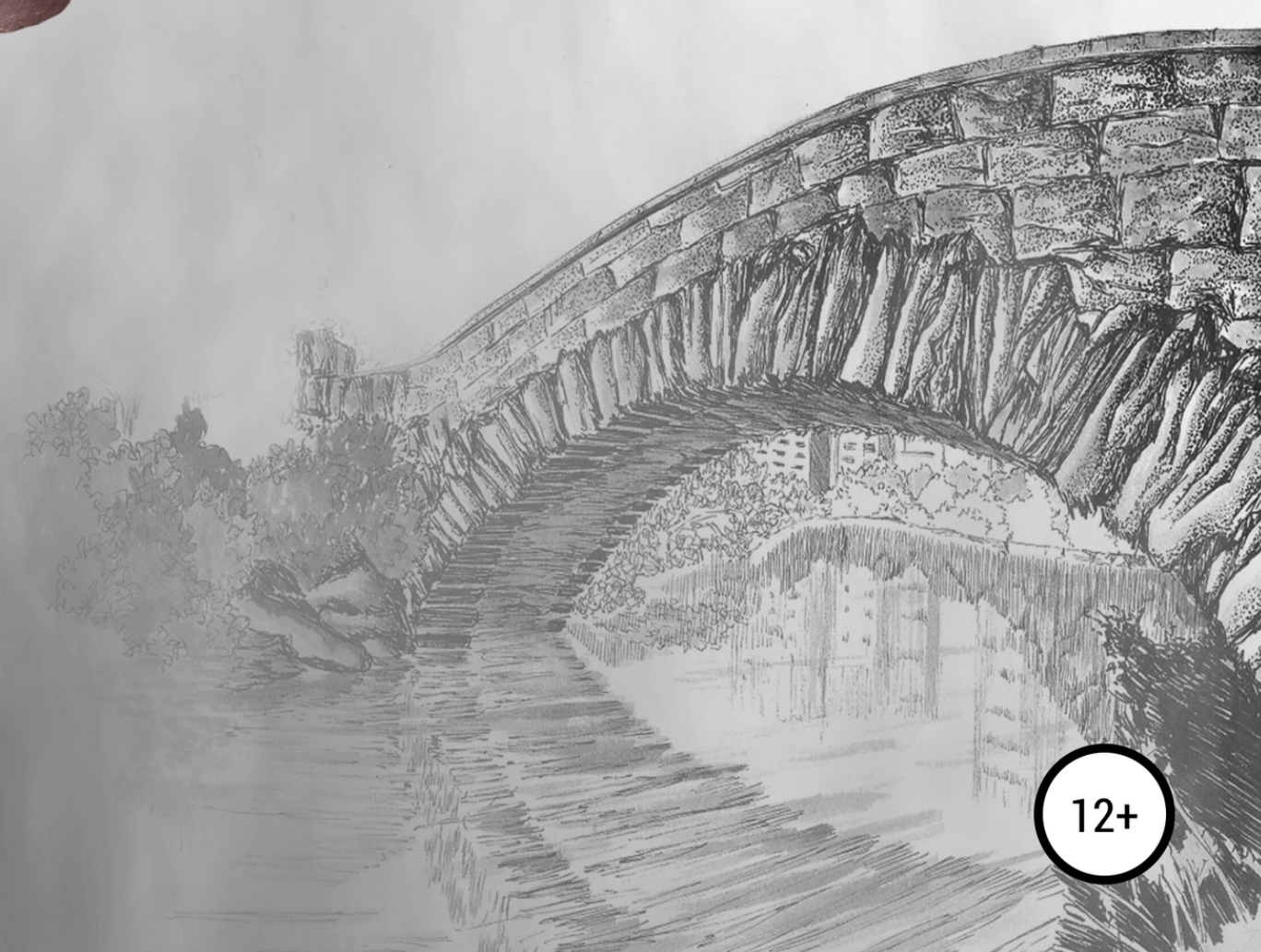

Арефкин Роман

Мост, колодец и тень

12+

Роман Арефкин
Мост, колодец и тень

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Арефкин Р. В.

Мост, колодец и тень / Р. В. Арефкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-04029-8

Пережив тяжёлую утрату, потеряв связь с реальностью, Олег отправляется в Швецию, где эксцентричный психотерапевт вызывается помочь, посвящая в свои собственные открытия. Раз за разом, переживая последствия случившегося, Олег сталкивается с потаёнными сторонами человеческой психики, пространства и времени, а также - с древними секретами старой Скандинавии. Олегу предстоит научиться использовать открывающиеся коридоры времени, чтобы исследовать предпосылки рокового перелома в собственной жизни и принять непростое решение.

ISBN 978-5-532-04029-8

© Арефкин Р. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Часть 1	6
Часть 2	22
Часть 3	27
Часть 4	43
Часть 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

От автора

Обстоятельства, при которых я начал писать это произведение, навсегда останутся неизгладимым следом в моей индивидуальной памяти. Впоследствии я даже прилагал некоторые усилия, дабы пресловутый субъективизм как можно меньшее влияние оказал на моих героев. К счастью, развитие сюжета превзошло все мои ожидания, и герои получили развитие, сделавшее их мало-зависимыми от «моей кисти»

С позиций лингвистики и филологии, я всегда испытывал неподдельный интерес к германским народам, с их уникальным культурным слоем, положенным в основу современных, популярных мифов. Скандинавия, как ни странно, помимо легенд о викингах и редких отсылок к сложной системе языческих богов, на мой взгляд, не раскрыла свой историко-культурный потенциал, сохраняя в «курганах своей истории» богатые клады красивых, будоражащих умы, легенд и поверий. Я вовсе не хотел идти наперекор популярной культуре, подрывая устоявшиеся концепции восприятия того или иного элемента фольклора в мистическом обрамлении, моей целью было рассказать историю, которая была бы написана красками, извлечёнными из достаточно малоизвестных преданий, верований и концепций.

Что же касается концепции восприятия реальности, то эта тема не перестаёт казаться мне интереснейшим объектом изыскания сразу во многих отраслях современной науки. И покуда у нас еще остаются те территории познаний, которые не были подвержены чёткой систематизации, существует и неопределённость, рождающая множество допущений, возможностей и следовательно – становящаяся щедрым источником для старательной, неутомимой идеи.

Часть 1

Я не помню, какое по счёту утро я встречаю в этих стенах. Дважды в день меня вызывают на беседы доктором, которые больше напоминают допрос, но кажется – этому скоро придёт конец. Я представлял это совсем по-другому. У нас всегда говорили, что в этой части света, тюрьма или психушка – что санаторий, проблема лишь в том, что «санаторий» тоже может изрядно надоест.

Если верить календарю, который я храню среди тех немногих личных вещей, что у меня имеются, я здесь уже третью неделю, и по мне до сих пор не было никакого конкретного решения. Судя по всему перед судьёй – дилемма, отправить меня в общую тюрьму, закрыв глаза на сомнительные обстоятельства моего дела, или же признать душевно-больным и закрыть в лечебнице. Моя защита тем не менее, рук не опускает, похоже для них это теперь некий вопрос принципа.

В больнице, в целом, не так плохо. Я вижу одних и тех же людей, которые мне изрядно осточертели, но всякий раз, когда все неприятности дня остаются позади, стоит мне сомкнуть веки и я возвращаюсь к образам тех людей, которые продолжают подталкивать меня к жизни.

В послеполуденный час, в это время года, день отступает здесь крайне поспешно, и я выработал «восхитительную» привычку – сижу у стены, опёршись затылком о гладко выкрашенную поверхность, и смотрю на то, как тень ползёт по стене напротив, этакая изошрённая форма солнечных часов в моём, заметно опустевшем, мире. В такие часы я раз за разом прокручиваю историю случившегося, чтобы задержать настойчивое разрастание пустоты внутри себя.

Итак, меня зовут Олег, на данный момент мне тридцать пять лет, я приехал из России, привеза с собой удивительный груз проблем, разобраться в которых вызвались специалисты, потратившие ни один год на работу с психами, лицами прожившими неудачный суицид, а иногда и попросту раздавленными депрессией, одинокими осколками нашего, всё еще столь разрозненного, общества.

Я приехал не один, как ни странно, меня повсюду сопровождал мой отец. Мужчина разменял шестой десяток, за всю свою жизнь он разве-что путешествовал по регионам нашей родины, теперь же им помыкали обстоятельства.

Приехали мы отнюдь не в Стокгольм, наше место назначения – местечко под названием Шиксаль. Это не так далеко от столицы, но нами двигало вовсе не желание пройтись по историческим местам.

Шиксаль представляет собой небольшой городок, если не сказать деревню, с потрясающей инфраструктурой, гармонично вписывающейся в природные ландшафты. В отличие от уродливо-урбанизированных городов, где мне приходилось бывать, здесь инфраструктура лишь застенчиво вписывалась в то, что было возведено веками естественного хода вещей, потрясающе...

К сожалению, ни я, ни мой отец, не имели возможности наслаждаться видами. В Шиксаль нас привел тяжкий поворот в моей судьбе. На родине, в России, я был женат. Мою супругу звали Инна, она была на четыре года младше меня и как выяснилось позже – бесконечно более проницательна.

Мы познакомились с ней так давно, что многие из наших самых близких друзей, там, на родине, восхищались тем, как складывалась наша, на первый взгляд – заурядная, жизнь. Ещё в университетские годы я заметил её. Она на четыре года младше, и я долго изнывал в нерешительности сделать первый шаг. Друзьям я рассказать не мог, меня бы попросту не

поняли, а дома – об этом и речи не могло идти. Мне оставалось только смотреть на неё в унылых коридорах университетских корпусов, когда непродолжительные перерывы между лекциями дарили мне эти мгновения, которые затем превращались в часы смятения, по приходу домой. Я ругал себя за нерешительность, но ждал, надеясь, что неожиданная оказия подарит мне возможность, которую я не упущу.

Впервые такое случилось, когда я уже окончил университет и начинал работать в компании, где незадолго до этого проходил практику. Инна была уже на старших курсах, но это всё равно не решало моей проблемы. Бывали моменты, когда мне хотелось на всё наплевать и призрев нерешительность – подойти к ней и всё сказать.

Нет, разумеется мы были знакомы. Неоднократно я заводил с ней беседы и мы были чем-то вроде друзей, насколько это возможно. В целом, всё моё положение рядом с ней выглядело нелепо. Пока в один из дней мне всё-таки не представился мой «счастливый случай»

Инна, ещё со школьных лет, занималась художественной гимнастикой и лёгкой атлетикой, выступая на довольно престижных региональных соревнованиях, что обеспечивало ей внушительный репутационный рост и многообещающие перспективы в лучших университетах города. Кроме того, такие занятия спортом выточили из неё образец красоты, заставляя всех вокруг терять дар речи при её появлении. Она была высокого роста, по женским стандартам конечно, её русые волосы плавными волнами спадали на нежные плечи, а фигура её хоть и была словно высечена «рукой античного скульптора», так и не приобрела этих мужественных черт – которые отягощали образы многих увлечённых спортсменов. Когда она смотрела на меня, я видел её большие, глубокие, тёмно-зеленые глаза, в которых хотелось раствориться и больше никогда не возвращаться в реальность, казавшуюся на её фоне бесконечным серым, бессмысленным пространством. Улыбка, образованная тонкими, чувственными губами, наводила на мысли о портретах эпохи позднего ренессанса, и то как она говорила – это могло выбивать твердь у меня из-под ног, заставляя цепляться своим вниманием за каждое её слово.

Когда Инна училась на выпускном курсе, судьба подарила мне шанс, направив её на практику именно в ту компанию, где уже работал я. Теперь, как мне казалось, нашему сближению ничего не должно было воспрепятствовать. Едва ли не каждый день мы разговаривали на самые отстранённые темы. Я же прилагал все усилия, дабы из разряда её старых, университетских знакомых оказаться в качественно-новой роли. Так продолжалось некоторое время, пока в один из осенних дней, не произошёл странный случай.

Вернувшись с занятий, Инна почувствовала себя плохо. Весь предыдущий день она страдала от необъяснимой боли в животе, но списывая всё на естественные свойства деликатного женского организма, она прикладывала усилия, чтобы это обстоятельство не отразилось на её образе жизни. В тот день она вновь пошла на тренировку. Лил дождь, и на улице царил совершенно нерасполагающая атмосфера. Все два часа интенсивной тренировки, она привычным образом заставляла себя работать, невзирая на увещевания тренера. На обратном пути домой, в метро, ей стало плохо, она побледнела и потеряла сознание. Сотрудники метрополитена вызвали скорую, которая госпитализировала мою будущую жену в больницу. Это была отвратная, с плохой репутацией, муниципальная больница, в которой, спустя ещё два часа, Инне диагностировали развивающийся приступ аппендицита, с угрозой скорого перехода в перитонит. Все показания требовали срочного хирургического вмешательства.

В тот день, я не дозвонился до неё и снедаемый волнением, я попытался узнать у её родителей, в чём же было дело. Когда мне удалось это сделать, они уже были с ней в больнице. Поняв, о каком именно месте шла речь, я бросился к ней. То, что я обнаружил – не укладывалось ни в какие рамки, я позволить не мог, чтобы Инна оставалась в этих условиях. Благодаря моему отцу, мне удалось договориться о том, чтобы её приняли в частной клинике, в срочном порядке, и я тут-же перевёз её туда, на свой страх и риск, понимая – в таком состоянии могло случиться что угодно. Отцовская машина, которую я водил с такой осторожностью, несколько

раз едва не попала в аварию, я забыл обо всём на свете, все мои чувства обострились и больше всего мне хотелось услышать от докторов, что ситуация нормализуется.

Хорошо всё, что хорошо заканчивается. После операции в частной клинике, Инна очень быстро пошла на поправку. Она не хотела оставаться в койке ни дня дольше, чем то требовали минимальные предписания. Я же не мог позволить, чтобы она ходила пешком там, среди грязных, холодных, продуваемых всеми ветрами, улиц нашего города. Сам город, который был мне родным, в один момент превратился в бесконечное «минное поле» опасностей. За каждым углом мне виделась угроза для Инны, и я всем сердцем желал оградить её от всего этого, бесконечного хаоса. Я не желал, чтобы она ходила по неприветливым улицам города, перемешивая ногами извечную грязь, обильно посыпаемых реагентом, дорог. Даже общетсвенный транспорт стал казаться мне источником бесконечных опасностей, а люди, чьи лица я иногда наблюдал, стоя в пробке, напоминали мне призраков, глядящих на меня с противоположной стороны бытия, оттуда, где надежда уже не живёт. Я дал себе слово, что с этого времени буду прилагать все усилия, чтобы обеспечить Инне комфорт, в котором ей ничего бы не угрожало, и только тогда, как мне казалось, и я сам мог бы обрести благостное спокойствие.

Мне пришлось согласиться с условиями моего отца и принять то, что он издавна готовил для меня. Я стал управляющим одного из отделов его заводов, потонув в бесконечной рутине бюрократической работы, но это позволяло мне заботиться о том, что я так любил. Мои мечты в один момент были пушены под откос, и то, что наполняло меня образами будущей жизни – уступило место бесконечным бумагам, цифрам, переговорам лишённым всякого смысла. Я стал довольно большим «подшипником» в бизнес-механизме построенным моим отцом, в стране, где весь рынок принадлежит монополиям, мы никогда не знали конкуренции, и следовательно – развития. Инна, и её благополучие стали моим мотивом к существованию.

Вскоре, после того как она окончила университет, мы уже были намного больше, чем просто друзьями. Я сделал ей предложение.

В тот день я впервые, так мне казалось, увидел подлинную грусть в её глазах. Это было столь далеко от того, что я ожидал, когда делаешь предложение. После всего, что я сделал для неё... Она обещала, что будет думать, сказала, что ей нужно время... Я, разумеется, выразил понимание этой её просьбе. Однако тогда впервые в моей душе пылало пламя негодования. Я не мог взять в толк, чем была вызвана эта нерешительность. И мои родители, которые всегда твердили, что эта моя увлечённость граничила с помешательством, не упустили возможность указать на неблагодарность со стороны Инны.

Я не желал никого слушать, я ждал, наблюдая, как каждый день превращался в переполняемую, тягостными мыслями, чашу.

Спустя почти год, в течение которого я отчаянно пытался делать вид, будто всё было нормально, Инна, столь же неожиданно для меня – сообщила о том, что принимает моё предложение. Я был вне себя от счастья, а вот мои родители лишь в очередной раз упрекнули меня в моей глупости. Так вышло, что этому решению Инны предшествовала покупка дорогой квартиры в элитном доме, на этаже, с панорамными окнами из которых открывался удивительный вид на едва ли не бесконечную серость города, который теперь каждое утро лежал на нашей ладони. Спускаясь с этой высоты, Инна покидала пределы «наших владений» на дорогом автомобиле, которому едва ли понимала цену, всё это выводило из себя моего отца, но я не мог иначе. Я понимал, что так я, под видом искренней заботы, привязывал её к той жизни, которую для неё построил. Наша квартира, на упирающемся, в серое небо, этаже, была клеткой без прутьев для птицы с подрезанными крыльями. Инна обитала здесь, где я мог безмолвно контролировать каждый её шаг, и это даровало мне крупицу покоя – который служил отдушиной за те часы, дни, годы ненавистного существования. Мой отец, смирившись с тем, что он называл неизлечимой сентиментальностью, научился использовать мою страсть в качестве надёжного поводка для меня самого. Наблюдая, как я нуждался в контроле над Инной, он не

гнушался возможностями всякий раз ткнуть меня носом в то, сколько это всё стоило. Так мы, я и моя супруга, оказались пленниками наших собственных иллюзий. Чтобы это ощущение, пробравшееся и поселившееся в наших сердцах, не задушило нас окончательно, мы предпочитали уповать на спасительный плот самообмана – изображая семью, в которой муж и жена бесконечно любят друг друга и столь же бесконечно доверяют – верят друг другу, понимая, как далеки от истины эти концепции.

Наше существование в этом «анабиозе жизни» продолжалось семь лет, пока мы, эмпирическим путём, не пришли к тому, чтобы позволить нашим иллюзиям окончательно размыть границы здравого смысла. Инна пропадала целыми вечерами, возвращаясь домой поздно вечером, не отрываясь от дисплея своего смартфона, куда сыпались бесконечные сообщения от личностей – происхождением которых я никогда не интересовался. Все эти обстоятельства утратили всякую значимость, когда и мне стали доступны те маленькие радости жизни под вуалью бесконечной имитации счастья. В те часы, что Инны не было дома, я тоже срывался – покидая наше роскошное жилище, и мои нереализованные желания уносили меня прочь, позволяя на несколько часов полностью позабыть про «оковы», которые мы сами же себе и выковали.

Так продолжалось какое-то время, мы прятали наши жизни за вуалью из видимой, бросающейся в глаза роскоши. Таким образом у нас получалось создавать впечатление благополучия, которое традиционно воспринимается как мерило счастья.

Однажды, возвращаясь домой, я обнаружил несколько дюжин пропущенных вызовов, все они были сделаны с телефона моей матери. Это могло означать что-то очень серьёзное, и с нелёгким сердцем я припарковал машину вблизи дома, не зная чего ожидать. Во дворе было много народу, в основном жильцы комплекса и соседних домов, а также просто прохожие, которым довелось стать свидетелями полёта изящного, женского тела, облачённого в вечернее платье, с верхнего этажа элитного дома. Инна упала на асфальт, всего в нескольких метрах от стоявшей рядом скамейки, на которой часто сидели вечно скучающие домохозяйки, коротающие растянувшиеся едва-ли не в «прямую бесконечности» дни своих жизней.

Это была ужасная картина. Упав с такой высоты, то, что некогда вызывало во мне неутолимую страсть, теперь напоминало вздутую пульпу биомассы. От удара вокруг разбрызгалась кровь с фрагментами ткани. Я стоял и смотрел, лишившись дара речи. Помню, как ко мне поспешил мой отец, он схватил меня, будто опасаясь, что я был готов упасть в обморок. Нет, я крепко стоял на ногах, просто в тот момент из меня вдруг ушла вся жизнь, какая бы убогая она ни была, она, уподобившись ленивому морскому угрю, выскользнула из моей груди и причудливым манером проскользнула в одному ей известных направлении. Я мог только смотреть. Так я стоял до тех пор, пока тело не увезли, а сотрудники клининга, с остервенением, принялись замывать то место на асфальте, где за доли секунды Инна простилась с жизнью. Я продолжал стоять и смотреть на то места, от соприкосновения с которым Инна обрела покой.

Лишь когда мои ноги предательски задрожали и подхваченный руками моего отца, который всё это время оставался в своей машине неподалёку, наблюдая за мной, я был сопровождён наверх, в квартиру...

В квартире, я лишь разулся, сбросил куда то пиджак, и проделав путь в спальню, позволил ногам подкоситься, рухнув на кровать. Сон поглотил меня в тот же момент.

Я не помню, как проходили последующие дни. Какие-то люди, среди которых периодически мелькали знакомые лица, посещали меня, но все они казались мне лишь тенями, отчаянно пытавшимися прикоснуться к моей реальности. По правде же тенью становился я. Не ел, не пил, вскоре меня увезли в больницу.

На календарь я тогда и смотреть не мог, при виде выстраивающихся в ряды дат меня начинало трясти, я отсчитывал – сколько дней минуло с того вечера. Так меня поглотил омут отчаянья, вслед за которым, как это и случается, пришло отупение и беспомощность.

Отец, который состарился на глазах моей матери, с завидным упорством возил меня по специалистам, которые, в итоге, все как один, разводили руками, уповая на время – ка на единственное лекарство. Некоторые ещё говорили про надежду, которой становилось меньше день ото дня.

Однажды, один из психотерапевтов, вызванных по такому случаю из Неаполя, поведал моему отцу про своего коллегу из Швеции, с которым они познакомились на каком-то семинаре. Выходило так, что тот швед специализировался на терапии пост-травматических синдромов, работая с военными, жертвами маньяков и лицами, пережившими сильные эмоциональные потрясения. Проблема была в том, что тот швед принципиально не выезжал к клиентам, ни за какой «гонорар» Одним из объяснений этого «финансового аскетизма» было оборудование, которым орудовал «душевных дел» мастер. Другое объяснение заключалось в уникальной обстановке места, где «целитель» обитал. Это был маленький городок Шиксаль, который не обозначался на большинстве карт в силу своей территориальной и административной незначительности.

Под напором матери, отец принял решение дать шведу шанс. Мы отправились туда в самом конце лета, и моё первое прибытие в Шиксаль оказалось сродни погружению в океаны золотой листвы. Это было настоящим потрясением для моих чувств, которые, ка мне тогда казалось, уже были мертвы. После бесконечной серости и грязи наших бетонных улиц, я почувствовал как мои лёгкие наполнял аромат увядающих трав, чувство – сопровождаемое звуками шелеста листвы, журчания рек, пения птиц, которые вовсе не собирались покидать этот край, невзирая на все признаки «гибели лета» Тогда в моём сознании родилась метафора – «мило-стивное умирание», так я прозвал то, что наблюдал вокруг себя. Я понятия не имел, что смерть могла быть такой.

Доктор Кристенсен принял нас в своём фамильном доме, который оказался небольшим, но весьма уютным коттеджем, построенным несколькими поколениями предков доктора. Здание представляло собой традиционное для данной местности сооружение – основание было возведено из скреплённых раствором камней, так, чтобы эта структура выделялась снаружи. Считается, что некоторые камни в основании, чьи края более всего выступают наружу, несут в себе память о прикосновениях предков. Верхняя часть дома была собрана из могучих сосновых брёвен, толстых, подогнанных один в один. В доме было три печи, но поддерживать тепло всеми ими – оказывалось затратным и трудоёмким делом. Потому хозяин дома, живший в одной части здания, использовал другую его часть в качестве своей рабочей зоны.

Доктор Кристенсон был пожилым – лишь оп возрастным меркам той действительности, в которой я привык жить. Когда я увидел его в первый раз, передо мной предстал довольно высокий мужчина с седыми волосами, лицом, которого едва коснулась сеть морщин. Он носил очки, но нуждался в них, судя по всеми, лишь когда работал. Одевался доктор прилично, как если бы собирался на официальную встречу. Скрытые в рукавах хлопчатой рубахи руки доктора были длинными, довольно тонкими. Но жилистыми. Рукопожатие Кристенсона позволило мне понять, что передо мной стоял мужчина, не отпустивший от себя своих сил и стати.

Наша первая беседа состоялась в первый же вечер, после ужина, когда доктор попросил моего отца оставить нас наедине в его кабинете. Этот разговор, во многом, и послужил отправной точкой в моей истории.

– Я полагал, что увижу сломленного человека, но пока что передо мной лишь опустошённый сосуд. – говорил доктор, глядя на то как из-под металлического абажура настольной лампы лился приятный, тёплый свет – Мне прежде всего следует выяснить, нет ли в этом сосуде бреши...

Сказав это, доктор направил на меня округлые линзы своих очков, в которых забавно отражался свет лампы. Я, к некоторому недовольству самого доктора, продолжал молчать и просто глядел в ответ.

– Ваш отец поведал мне вашу историю. – продолжил Кристенсон, опершись скрещёнными предплечьями о крышку своего стола – Честно сказать, меня это не особо впечатлило.

Сказав это, доктор очевидно поймал на себе мой встревоженный взгляд, посему он поспешил упредить мою реакцию сделав жест, призывавший не спешить с выводами.

– Ваш отец переживает за вас, и я понимаю природу этого явления. Однако, он по столь же понятным причинам, не может понять причину вашего нынешнего состояния.

С этого момента он завладел моим вниманием. В действительности, все те специалисты, с которыми я сталкивался до него, говорили лишь обо мне, и никто не затрагивал Её. Для всех этих людей, как и для моего отца, Инна умерла, исчезнув из этого мира, забрав с собой смысл моей жизни, сделав меня «бумажным трафаретом» – подобием человека, антропоморфной фигурой которая выделялась в мире живых людей своей невыразимой плоскостью.

– С профессиональной точки зрения, мне было бы полезно узнать историю ваших отношений, так поступают люди моей профессии, и вы уже видели таких немало, верно?

Я кивнул, один раз, коротко, давая свой ответ.

– Как вам спится по ночам? – таким был его следующий вопрос, заданный тоном полнейшего безразличия, как если бы мы вели самый непринуждённый разговор и за неимением других тем был задан этот.

Я рассказал ему о том, что сперва я проваливался в темноту, которая, словно прожевав меня, выплёвывала обратно поутру – навстречу предстоящему дню. Я чувствовал себя измотанным с самого утра, обрекая свой день на неясное, спутанное существование за пределами жизни других людей.

Затем, спустя какое-то время, я стал видеть первые сны. До этого я никогда не придавал значения ночным видениям, и быстро забывал всё, что видел.

– Эти сны были другими. – сказал я, всматриваясь в лицо доктора, пытаюсь разглядеть его глаза за круглыми линзами очков. В ответ Кристенсон лишь кивнул, призывая меня продолжать.

– Там нет цвета, понимаете? – и вновь доктор отвечал мне молчанием – Словно смотришь чёрно-белый фильм, без звука, не ощущая ничего, кроме восприятия образов.

– Что это за образы, можете вспомнить? – доктор сделал незначительное ударение на этом вопросе, словно придавая ему значение, выделяя среди всего прочего, что я рассказывал.

Я же только пожал плечами в ответ:

– Это место..., я там никогда не был ранее. Так мне кажется. Нет, я уверен... Я никогда там не был. Там есть гора, не очень высокая, я имею в виду, она не оголяется скалами на вершине, вся покрыта лесом. Лес смешанный, судя по всему. Какие-то реки, я не слышу их, но словно знаю о их присутствии. Под моими ногами колышется трава, не высокая, ровная – как ковёр, это покрытие тянется далеко, увлекая меня идти дальше и дальше. Периодически там встречаются ледники, просто площадки покрытые льдом, как если бы то были локальные фрагменты зимы посреди очевидного лета.

Я вновь посмотрел на доктора, мне хотелось получить обратную связь, понять, внимал ли он моим словам. Кристенсон на мгновение задумался, будто бы то, что я упомянул эту мелочь – лёд на траве – было куда важнее самой темы нашего разговора.

– Продолжайте. – сухо ответил Кристенсон, отводя взгляд в сторону.

– Я неоднократно обнаруживал себя там, в этих странных землях, лишённых, по сути, всяких признаков жизни.

– Были там какие ни будь животные или птицы? – спросил доктор – Что-нибудь ещё, кроме вас самих?

Я задумался. Ответ на этот вопрос лежал на поверхности, однако, меня удивляло внимание доктора к тем деталям, которые я считал совершенно ненужными.

– Там определённо не было ни одного животного или птицы. Вообще ничего такого, если вы понимаете меня...

Сказав это, я осёкся, я вдруг понял, что сам то я едва ли понимал, к чему хотел подвести своего собеседника.

Доктор внимательно посмотрел на меня.

– Стало быть, ни одной живой души? – спросил он, как то подозрительно протягивая слова, словно давая мне понять, что он знал то, о чём мне вовсе не хотелось говорить.

– Олег. – Кристенсон впервые снял с переносицы свои очки и отложив их в сторону, потёр переносицу, сильно при этом зажмуриваясь – Несколько лет назад, я пережил клиническую смерть, попал в аварию...

Доктор продолжал смотреть куда-то в сторону, а поскольку в данный момент в кабинете единственным источником освещения была настольная лампа, взгляд Кристенсона исчезал в притаившихся тенях, нашедших своё убежище между шкафом и книжными полками.

– Я пережил клиническую смерть, находясь на искусственном обеспечении жизни несколько дней. Клиницисты, боровшиеся за мою жизнь, склонялись к тому, чтобы уже отключить меня от оборудования, но сложилось по-другому.

Я, разумеется, не знал этой истории, и мне отчего-то стало не всё равно. Нет, это не было чувство сострадания или даже сочувствия, скорее во мне вспыхнул интерес. Я не успел сформулировать вопроса, прежде чем Кристенсон продолжил:

– Все эти дни, что сознание моё отсутствовало в мире живых людей, я вовсе не был поглощён безраздельной тьмой, как это принято полагать. Я не видел тоннелей к свету, как это часто описывают сторонники религий и никто никуда меня не звал. Вместо этого, я обнаружил себя в месте, которое ты описал с такой поразительной точностью.

Я помню своё удивление, услышав это признание от доктора. Сперва мне показалось, что я его неправильно понял, и мне захотелось переспросить. Однако под его взглядом я осознал, что наши мысли касались одного и того же предмета.

– Я видел гору, про которую ты говорил, и леса, которые ты описал, я блуждал меж этих деревьев. От моего внимания, разумеется, не укрылись и эти феноменальные ступки льда, там, посреди лета. – теперь Кристенсон откинулся на спинку своего кресла, под его массой, незакреплённые колёса сделали треть оборота назад – Если бы вам достало желаний продвинуться вглубь тех краёв, вы бы и не такое увидели.

Я вопрошающе поглядел на доктора, тот впервые улыбнулся.

– Когда меня вывели из комы, я ощутил себя опустошённым, как если бы меня лишили чего-то, что уже стало укореняться во мне. словно бы душу мою вырвали с корнем. Я утратил интерес ко всему, что наполняло мою жизнь смыслом. В той аварии погибла моя супруга...

Сказав это, доктор бросил взгляд на стоявший на краю стола портрет в небольшой, металлической рамке.

– Как долго вы были женаты? – вдруг спросил я, сам не ожидая такого вопроса.

– Шестнадцать лет. – ответ пришёл после секундной паузы на общёт прожитых отрезков времени, которыми люди условились измерять свои жизни.

Следующий мой вопрос осел у меня на языке, и очевидно доктор заметил это.

– После стольких лет, само собой разумеется, мы превратились скорее в ближайших друзей, понимая друг друга и зная друг о друге едва ли не всё. Но с её потерей ушло и нечто такое, чего я в последние годы уже не ценил, а воспринимал как данность. Такое бывает..., намного чаще чем об этом говорят.

Мы разговаривали какое-то время о видении, по сути – сне, обнаруживая удивительные совпадения в наблюдаемых объектах. Кристенсон, ка это ни странно, обнаруживал все эти сов-

падения не столько с удивлением, сколько с удовлетворением от подтверждаемой одному ему известной теории. Это наблюдение занимало меня. Доктор словно знал нечто такое, что скрывалось за пределами моего понимания и это обстоятельство, уже само по себе, провоцировало во мне интерес – первое живое чувство со дня смерти Инны.

Дни, проведённые в доме доктора пролетали один за другим, я был поглощён компанией этого человека. Кристенсон стал для меня проводником, двигающимся именно в то направление, в которое я хотел смотреть.

– Я могу с наивысшей степенью уверенности заявить, – говорил доктор – что я видел там город. С виду это был типичный для западной или северной Европы город, характерный для периода, соответствующего нашему позднему средневековью.

– Как вам удалось это определить, если вы могли видеть город лишь однажды и издали? – я не упускал возможность задавать вопросы, покуда это позволяло мне избавляться от липких сомнений, что словно болотные пиявки – цеплялись к моим суждениям.

В таких ситуациях доктор никогда не спешил с ответом, предпочитая обдумать вопрос. Я ценил этот его подход, ведь более всего остального мне нужна была правда.

– Архитектура, комбинации зданий и функции целых узлов сооружений, – отвечал Кристенсон – подобное можно увидеть лишь на схемах населённых пунктов четырнадцатого-пятнадцатого веков. Я никогда не был специалистом в этих вопросах, как и многие дилетанты я лишь видел картины художников да исторические киноленты, но после посещения этой земли, я понял, что с каждым днём память будет обкрадывать меня унося по крупницам пережитое в вечность. Поэтому я начал поднимать источники, сверяться с серьёзными, научными трудами, находя подтверждение одним своим доводам и опровержения – другим.

Я слушал эту его тираду, не перебивая, с видом впитывающей, каждое его слово, губки.

– Там были другие? – мой вопрос прозвучал внезапно, оборвав речь Кристенсона на полуслове. Доктор был явно не готов к тому, чтобы я его перебивал, он уставился на меня через линзы очков, его взгляд вовсе не выражал ни раздражение, ни смятение. Напротив, доктор едва-заметно вздохнул, словно вздох облегчения, и ответил:

– Я думал вы никогда не спросите... – сказал Кристенсон, медленно снимая очки и массируя переносицу – Да, там были люди... Я видел их с той позиции, с которой мне открывался вид.

– Что они делали? Кем они были? – я разразился градом вопросов, как если бы устал от слишком долгого дефицита речи – Вы говорили с ними?

Кристенсон вернул очки на прежнее место на своём лице и поглядел на меня. На его худых губах отразилась улыбка, это была гримаса сочувствия, спрятанная за столь невинный жест.

– Олег, вы, очевидно, проводите слишком близкие параллели между тем, что мы имеем в нашей жизни и тем, свидетелями чего мы стали.

Я не стал долго раздумывать над услышанным, эта реплика отозвалась во мне тревогой.

– Вы же не хотите сказать, что после всех этих обнаруженных нами совпадений, вы предполагаете, что это были иллюзии, галлюцинации, навеянные нашим воображением?

Доктор откашлялся и замотал головой.

– нет, нет... Этого я не утверждаю. То не были просто иллюзии, но я бы, на вашем месте, не стал спешить с далеко-идущими выводами... всё-таки это не научно...

Я проглотил это замечание, как если бы не заметил его, однако за ним мне виделся упрёк.

– Все последние дни я хочу спросить вас об одном, но мне так тяжело даётся этот вопрос. – я посчитал, что если и озвучивать смелость моей гипотезы, то именно сейчас тому было самое подходящее время – Скажите, после всех этих ваших изысканий, как вы считаете, существует ли жизнь за пределами смерти?

Кристенсон, и это было более чем ожидаемо, замер в задумчивости. Его взгляд медленно сполз по мне, переместившись на кипу бумаг, лежавшую перед ним. На листах с различными схемами, записями и грязноватыми пометками на полях, ступали тени, через окно в комнату вливались дозированные потоки янтарного, осеннего солнца.

– Меня удивляет, – медленно отвечал Кристенсон – что вы используете столь прямолинейные определения для явления, столь неопределённого и я бы сказал эфемерного. Я затрудняюсь ответить на ваш вопрос однозначно, ещё и потому, что мы не пришли к единству терминологического аппарата.

– Боже правый, Кристенсон! – не выдержал я и позволил очередной, пробудившейся от сна, сильной эмоции взять верх над нормами поведения – Мы говорим сейчас не в рамках научной теории! Прошу вас, будьте откровенны и скажите, что вы думаете на этот счёт!

– Мне кажется, – отвечал доктор – что задавая этот вопрос, вы ищите не столько моего мнения, сколько подтверждения вашего же собственного довода. А что, если мой ответ вас разочаруют своим несоответствием с тем, что вы сами хотите услышать?

Это замечание смутило меня, наверно от того, что я понимал его правдивость. Доктор видел меня насквозь, и впервые я ощутил себя эмоционально и мысленно «обнажённым» перед этим человеком. Дабы скрыть своё смущение, я перешёл в «наступление»

– Вы полагаете, что я не способен принять альтернативную точку зрения? Вы держите меня за узколобого кретина?

– Я думаю, вы уходите слишком далеко в этих, эмоционально-окрашенных, терминах. – спокойно отвечал доктор – Вы абсолютно нормальный человек, переживший потерю и связанную с этим травму. С точки зрения психологии, мне понятно ваше стремление найти этакий «якорь надежды», чтобы держаться за него. Однако это путь в никуда! Поймите, если вы веруете во что-то, будь то загробная жизнь или ещё что, это во-первых не вернёт вашу супругу, а во-вторых – отсрочит восстановление.

В его словах сквозил ледяной, уродливый здравый смысл, ставший мне столь чуждым, словно бы это я был «существом из зазеркалья» оказавшимся в рациональном мире людей.

– Но всё-же, Кристенсон, скажите, что вы думаете по этому поводу?

Доктор вздохнул и пожав плечами, ответил.

– С одной стороны, я не имею никаких сведений, которые позволяли бы мне судить о существовании феномена, о котором вы говорите. – произнося эти слова, его голос звучал несколько неуверенно, он отвёл взгляд от бумаг и записей, которые мы разбирали, говоря о наших видениях – С другой стороны, Олег, я слишком большой скептик, чтобы хоть что-то отрицать!

Я счёл этот ответ демонстрацией попытки «усидеть на двух стульях», маскируя свою трусость сделать вывод, который мог бы нанести ущерб его репутации в научных кругах. Я пытался отнестись к этому с пониманием, однако испытывал раздражение от того, что все эти наши беседы и выяснения, откровения и обнаружения – сводились к тому, что мы обсуждали что-то эфемерное, фабулистическое, и практически не имеющее право на существование, поскольку всё остальное человечество предпочло наложить своё «табу» на эту тему.

Следующей ночью я не мог уснуть. Наверно впервые за последние месяцы я столкнулся с этой проблемой. Сколь долго я не лежал с закрытыми глазами, сон не пробивался ко мне сквозь пелену темноты. Я вставал с постели и пытался утомить сознание чтением скучнейших научных трудов по узким медицинским дисциплинам, где лишь каждое пятое слово было мне понятным.

Тогда я оделся и вышел на улицу. К своему удивлению я обнаружил свежесвыпавший снег. Я не заметил, чтобы снаружи был снегопад, однако повсюду лежала белая пелена из мокрого снега, прилипавшего к ногам и охотно собирающегося в плотные комки. Воздух стал

заметно холоднее, но я решил не возвращаться в дом за дополнительной одеждой. Намереваясь прогуляться в прилегающем к имению Кристенсона парке, я пошёл меж деревьев, ветви которых сильно прогнулись под налипшим на них снегом. То тут, то там я сбивал комья снега с ветвей, позволяя тем выпрямляться – возвращая себе привычное расположение в пространстве.

Под ногами, как ни странно, я не ощущал холода, разве что намокли штанины над самыми ботинками, ветра почти не было и я ощущал себя более чем комфортно. Вопреки ожидаемому чувству усталости, за которым я охотился в этом лесу, моей «добычей» стал энтузиазм – столь необычно было испытать эти предвестники зимы в незнакомом мне месте. Эта мысль, тем не менее, напомнила мне о Инне. Когда над нашим городом висело жаркое, летнее солнце, она ещё была жива, а я делал так много – чтобы не замечать как наша жизнь шла под откос. Сейчас, оказавшись наедине с этими ощущениями первого снега, в ещё не успевшим достаточно остыть воздухе, я поймал себя на мысли, что больше всего мне бы хотелось оказаться на пороге дома моих родителей, где прошло моё детство. Невзирая на серость, грязь и шум большого города, на тысячи неприветливых, угрюмых лиц, которые встречаешь повсюду – я бы отыскал одно единственное лицо, и услышал бы один-единственный голос, сделав всё возможное, чтобы предотвратить случившееся. Но разумеется, это было невозможно. Пространство и время не считались с моими желаниями и не давали права на «работу над ошибками» Свежевыпавший снег, здесь, в шведском Шиксаль, в тот-же миг стал метафорой того, как под этой нежной массой я похоронил свою жизнь.

Занятый этими размышлениями, я сам того не заметил, как оказался возле одной из местных рек. Она была совсем не широкой, но вода в ней текла резво, то и дело унося в своём течении крупные горбыли древесных обломков.

Возле берега снег, из-за непростой кривизны ландшафта, лёг неравномерно, лишь частично скрыв чёрные камни. Я двигался против течения, глядя на воду, при такой температуре, снег не имел власти над этой субстанцией. Я ещё какое-то время двигался вдоль берега, глядя как на противоположной стороне над водой зависали ветви деревьев. Казалось, что из этих тёмных зарослей на меня могло смотреть множество глаз обитателей этой безмолвной ночи. Но вскоре моё внимание привлёк иной объект, я увидел впереди мост, соединяющий два берега. Это было сооружение из прошлого, всеми своими чертами демонстрируя принадлежность к ушедшей в прошлое эпохе. Мост был сложен из камня, имея надёжное основание на каждом берегу, напоминающее башенки, он протягивался над рекой довольно широким, каменным полотном с высокими оградами, что должно было предотвращать падения неосторожных прохожих в медленно-текущую воду. Там, где мост впивался в скалистый берег, в силу своей конструкции, образовывал арочные своды, тени которых навсегда укрывали эту часть берега от глаз прохожих.

Подобные конструкции не были бы причиной для столь искреннего любования, если бы не факт даты их возведения. Я не престаивал задаваться вопросом, как велись эти работы тогда, при отсутствии грузоподъёмных технологий, когда вся тяжёлая работа выполнялась человеческими руками. Разумеется я никогда не был специалистом в этих областях, и вполне вероятно, я мог много не понимать в принципах подобных работ, тем не менее, мне казалось, что для своего времени подобные сооружения были свидетельством незаурядных способностей людей – обречённых жить в темноте религиозного мракобесия.

Другим обстоятельством, которое удивило меня, стало состояние моста. Дело в том, что все подобные конструкции у нас в стране, неминуемо становятся жертвами уличных форм искусства, покрываясь многослойными пластами безвкусовых граффити. Здесь же, при отсутствии видеокamer, нарядов полиции, регулярно патрулирующих значные места, да и собственно – значных мест, сооружения оставались нетронутыми вездесущей рукой «постмодерна»

Я приблизился к основанию моста. Чтобы пройти по нему, мне следовало подняться по пристроенной лестнице, ступени которой делали три поворота на пути своего восхождения наверх. Однако я не спешил подниматься, стоя здесь, где даже мысли мои заглушал звук вечно-текущей воды, я всматривался в темноту арки, образованной основанием моста и берегом. Мне казалось, будто это портал, открывшийся передо мной, из которого веяло холодом, и от которого нельзя было так просто оторвать взгляд.

Я не смогу сказать, как долго я стоял там, замороженный простотой этой картины, созерцая нечто и ничто одновременно. Я понять не мог, что притягивало мой взгляд, словно магнит, чьё поле оказалось едва способно зацепить металлическую стружку на отдалении. Этого явно было недостаточно, чтобы заставить меня пройти туда, вступить под своды этой теневой арки, однако и отпускать – не отпускало. В какой-то момент я начал пристальней всматриваться, словно отыскивал признаки чего-то живого, что могло обрести форму и медленно, боязливо покидая своё укрытие – выползти под этот тусклый свет луны. Наверно это и есть подлый трюк воображения, ведь стоит позволить ему сорваться с «повода» здравого смысла и оно утаскивает тебя так далеко, где легче лёгкого потерять собственное «я»

Когда моего плеча коснулось нечто, я едва не лишился дыхания. То был вовсе не испуг, не эффект неожиданности заставший меня врасплох на грани вновь обретших возбуждение нервов. Прикосновение было лёгким, как дуновение ветерка, но в отличие от потока воздуха, эта сила не обтекала мою плоть, напротив – она находила путь сквозь меня, пробираясь через одежду, кожу, мышцы и кости – дотрагиваясь до той моей сути, что ещё совсем недавно пребывала в состоянии скорее мёртвом, чем живом.

Незнакомец, если я так могу его назвать, стоял позади меня. Он был высоким, даже для самых смелых человеческих мерок. Весь его вид лишь отражал понимание о антропоморфности, имея четыре конечности, голову – посаженную на удлинённой шеи, все атрибуты человека и столь мало человеческого в своём облике.

Он был что тень, отброшенная существом, вид которого, явись он мне в тот момент, неминуемо лишил бы меня рассудка. Его руки, если эти когтистые верхние конечности можно было так назвать, поднялись к моей голове. Когти на пальцах были столь длинны, что существо, при желании, могло легко выпотрошить меня. Я удивился, как орудую этой своей лапой, создание не оторвало мне руку – прикоснувшись к моему плечу ранее.

Немного отведя свои руки в стороны от моей головы, тварь наклонилась, приближая своё, лишённое всяких выразительных черт, лицо ко мне. Тёмное пятно на том месте, где должно было находиться лицо, приобрело очертания, напоминавшие человеческие, однако эти черты принадлежали самой обобщённой концепции человека, и оттого казались особенно чуждыми мне. Разрез в материи тени пересёк так называемое лицо от края до края, и распахнулся беззубой пастью. Я тут же уловил сильнейший запах речной тины, застоявшейся, цветущей воды и затхлости. Это разом напомнило мне о всех моих впечатлениях, которые когда-либо я пережил, оказываясь вблизи рек, озёр, водоёмов со стоячей водой. В моём сознании всплыли все истории о утопленниках, людях – исчезнувших вблизи рек, о русалках, обитающих за кряжистыми горбылями и поджидающими своих незадачливых жертв.

Когда тварь начала говорить, всё моё внимание словно обратилось в узел, я всецело принадлежал ему.

– Назови себя! – голос создания не имел ни одной характеристики, которую я мог бы описать, как и отсутствие эмоции, из-за чего становилось по-настоящему жутко.

Я, тем не менее, не был лишён дара речи, отвечая, я словно слышал свой голос со стороны. Я назвал ему своё имя, затем кто я и как здесь оказался. Это заняло некоторое время, но казалось, что с появлением этого создания, время – как таковое – утратило свою силу и свой непрерывный ток.

– Ты знаешь кто я? – спросило создание, и на этот раз я отделался односложным, коротким ответом.

– Я жил здесь издавна, ещё с тех самых пор, когда другой, деревянный мост соединял эти два берега. И до этого, когда между берегами, разделёнными куда как более бурной рекой, протянулся подвесной мост. И до этого, когда никакого моста здесь не было и в помине, а люди жили племенами, совершая свои глупые ритуалы

– Кто ты такой? – спросил я, понимая, что создание вовсе не лишило меня способности руководить своими действиями.

– Меня называли по-разному, в зависимости от того, какие причудливые верования были свойственны жившим здесь людям. Мне приписывали самые различные черты – в то время, пока я был лишён оных. Но в одном твои собратья были правы – ни стрела, ни меч, ни пуля ни святая вода, ничего не в силах причинить мне вред. Слишком многие пытались убить меня, но я пережил их всех, поспособствовав тому, чтобы последние мгновения их несчастных жизней были окрашены в незабываемо-красные тона их крови.

– Что ты хочешь от меня? – таким был мой следующий вопрос, который заставил чудище вновь пригнуться ко мне. Всякий раз, делая это, оно пыталось увидеть во мне что-то такое, чему я не мог подобрать объяснения.

– Обычно, узрев меня, твои собратья испытывают другую эмоцию. – констатировало чудище, наконец отринув от меня, позволяя впервые за затянувшуюся паузу вздохнуть чем-то иным, нежели ароматом застоявшейся воды – Ты другой! То, что ты чувствуешь – мне не приелось!

Сколь долго я не смотрел на незнакомца, мне не удавалось определить – что именно я ощущал. То не было страхом или отвращением, вместо этого создавалось впечатление, будто чудище, непостижимым образом, опустошило меня.

– Кто ты такой? – я задал другой вопрос, не получив ответа на предыдущий – Что ты здесь делаешь?

– Меня называли по разному, на протяжении отрезков времени, что вы зовёте веками. Вам удобно отсчитывать ваши жизни этими смешными мерилками. Я же живу ровно столько, сколько существует эта земля.

В этот момент, я посмотрел туда, где ноги чудища соприкасались с поверхностью земли. К своему изумлению я обнаружил, что даже на свежем снегу не оставалось прогалин от стоп монстра. Чудище попросту не стояло на поверхности, а словно выросло из земли – образуя с ней непрерывную связь.

– Здесь, в Скандинавии, они называли меня «чудом», из века в век приписывая мне сумасбродные свойства.

Мой взгляд, очевидно, в тот момент, выражал полнейшее недоумение.

– Они говорили, что я живу под мостами, в страхе от лучей солнца, которые, прикоснувшись ко мне, обращают меня в безжизненный камень. Поселив меня, в своих поверьях, под мост, они приписали мне страхи, за которые сами же были в ответе, будто это я алчу их ничёмные ценности, поджидая торговцев, проезжавших в своих повозках. Якобы это я вершу насилие над их женщинами, утягивая тех за длину волос под мостовые арки. Туда же я уносил, согласно их байкам, их бестолковых детей, чтобы те ослепли и служили мне тысячу лет, опять таки – не надуманная ли цифра. Им невдомёк, что я столь часто появлялся среди них, в кабаках, во время громких попок, слушая всю ту ахинею, что они несут. Но кое в чём они были правы. Я никогда не появлялся перед человеком просто так, без весомого на то основания.

– Весомого основания... – повторил я, взвешивая слова чудища, пробуя их на вкус, пытаюсь понять, что же он такого в них вкладывал.

– Если ты спросишь любителей баек про троллей, они дадут тебе чёткие инструкции, что нужно делать при моём появлении. – отвечало чудище – Они скажут, что перво-наперво,

нельзя пожимать предложенной руки. Нельзя, ни при каких обстоятельствах, называть троллю своего имени. И не менее важное – не стоит показывать троллю своего страха.

Все эти, перечисленные одно за другим, правила, теперь имели не так уж много смысла для меня. Тролль был здесь, передо мной. Он уже знал моё имя и прикоснулся к моей руке, а что касается моего страха – он почуял нечто, что удивило его самого. Мне оставалось только ожидать участи, которую уготовило это существо. И хотя здравый смысл подсказывал бы любому на моём месте, что лучшим в данной ситуации решением было – бежать куда-подальше, я не испытывал стремления спастись, вместо пресловутого инстинкта самосохранения я испытывал нездоровое любопытство к происходящему.

– Я выбираю тех, чей дух слаб и кому настало время раствориться в действительности. – сказав это, тролль в очередной раз втянул воздух с мерзким шипением, при этом его туловище раздувалось, могло показаться, что вместе с ночным воздухом, чудовище втягивало сущность моих жизненных сил.

– Ты убьёшь меня? – наконец спросил я, уже привыкнув, глядя троллю в импровизированное лицо

– Этот термин существует лишь у вас, людей. Вы, преследуемые примитивными инстинктами, от которых так и не смогли отказаться за тысячелетия своего существования, проливаете кровь друг друга, обрекая ближнего на муки, физические страдания, во имя удовлетворения самых низменных своих потребностей.

Эта тирада показалась мне несколько затянутой, от неё веяло философией и излишним нравоучением. Однако я не решался перебить тролля, полагая, что его слова станут последним, что я слышал в своей жизни.

– Ты, человек с гордым именем, – тролль едва-заметно усмехнулся – удивляешь меня тем, что не страшишься своей участи. Однако это вовсе не пламя отваги, что согревает твоё сердце, нет-нет! Ты гоним другой эмоцией, и ради избавления от неё, ты готов поскорей спрыгнуть в могилу!

Тролль был прав, до того момента я не мог подобрать нужных слов, чтобы выразить своё состояние, в котором пребывал. Увлёкшись теориями доктора Кристенсона, я позволил себе зачать пламя заранее обречённой надежды. Мои желания оказались сильнее здравого смысла, когда уже почти мёртвый дух вдруг стал подавать признаки жизни, цепляясь за призрачную надежду.

– Ты бредишь идеями, озвучить которую боишься! – продолжал тролль – Это свойственно вашему племени, лицемерие и трусость.

Чудище замолкло на мгновение и я смог ощутить дрожь, пробежавшую по моему телу. Слова, которыми тролль закончил свою тираду, вонзились мне в сердце подобно ледяным иглам и теперь холод и бессилие разливались по содрогаемому телу.

– Что бы ты сказал, человек, если бы я дал ответ на тот вопрос, которым ты себя так здорово мучаешь? – этот вопрос тролля застал меня врасплох, на секунду мне показалось, будто я готов был выйти из насланного на меня оцепенения.

– Ты можешь знать это? Но как?

Тролль, к моей полной неожиданности, схватил меня своими лапами за плечи. Когти тут же вонзились мне в плоть, но ни моя одежда, ни плоть не получили повреждений, вместо этого моё сознание на миг потухло и когда я вновь смог видеть, я был среди знакомых мне мест. Холмы, поросшие травой, раскинувшиеся по обе стороны от холмов леса, чьи вершушки мерно раскачивались на ветру, небо – наполненное мириадами звёзд и в то же время – солнце, освещающее всё обозримое пространство таким странным, не поземному холодным, светом.

Это было место из моих снов, сомнений быть не могло. Тролль заставил меня увидеть то, что я видел на пике угасания своего сознания, он ещё раз позволил мне очутиться там, где доктор Кристенсон коротал свои дни клинической смерти.

Я вспомнил о докторе, и вместе с тем моего сознания коснулась мысль – «город!» Доктор рассказывал о наблюдаемом им городе, описав примерное место расположения оною.

– Сюда теперь сбегают твои мыслишки, верно? – голос звучал приятным баритоном и принадлежал мужчине. Я увидел его в нескольких шагах от меня. Он был моего роста, худощавый, одет в странные одежды – словно материя – свёрнутая причудливым образом вокруг его тела, позволяя рукам и ногам выходить наружу. Голова мужчины, покоящаяся на тонкой шее, была украшена копной длинных, кудрявых волос, спадавших ему на плечи. Вокруг рта виднелась растительность – многодневная небритость. Из-под не густых, карих бровей на меня смотрела пара тёмных, выразительных глаз.

Я уставился на мужчину в полнейшем недоумении, а он, словно бы я должен был догадаться, продолжал говорить.

– Ты уже бывал здесь, и почему-то хочешь вернуться! Я прав?

Я отрицательно покачал головой. Не возвращения сюда я искал, меня влекла совсем другая идея.

– Мне говорили, – отвечал я – где-то здесь должен быть город.

Я посмотрел в сторону леса, что-то подсказывало мне, будто это было именно то направление, коим мне следовало идти.

Мужчина улыбнулся. Это была добрая, приятная улыбка, как если бы он искренне хотел поддержать меня.

– Если ты того желаешь, я отведу тебя туда, куда ты хочешь!

Я поглядел на незнакомца, затем вновь в сторону леса.

– Я буду признателен... – единственный ответ, пришедший мне на ум в этой ситуации.

Мы двинулись в путь. Мужчина зашагал впереди, и я не сразу заметил, как на траве под нами оставались следы моего проводника, каждое касание его стоп земной поверхности оставляло кровавый отпечаток. Однако я не задавал лишних вопросов, мне хотелось во что бы то ни стало увидеть город, о котором рассказал Кристенсон, но в отношении которого доктор сам предпочёл предать свою идею.

Мы шли быстро, преодолевая один холм за другим, однако я не чувствовал усталости и легко попевал за своим гидом. На протяжении этого пути мы не разговаривали, пока не достигли рубежа леса. Здесь мужчина остановился, и повернувшись ко мне, сказал:

– Когда мы пройдем тропой через этот лес и ты увидишь стены города, прояви терпение, мы не сразу подступим к его стенам. Однако, когда мы всё же окажемся внутри, не удивляйся – никто из обитающих там не будет видеть тебя или слышать, ты не сможешь вступить с ними в контакт.

Меня удивило это обстоятельство, но я был не в том положении, чтобы настаивать на ответах. Слова моего проводника давали мне надежду на скорый визит в то места, куда я стремился попасть. Поэтому я шёл. Мы пробирались через лес, это было совсем не трудно, мой гид вёл меня хоженной тропой, позволяя ускользать от контакта с цепкими ветвями дико-растущего кустарника. Пространство здесь было тёмным и мрачным, но вопреки этой атмосфере, я ощущал скорее покой, нежели разумное волнение.

Я понял, что лес заканчивался по тому, как редели стволы деревьев, вскоре стало заметно светлее. Спустя ещё немного – мы стояли на краю высокого холма, с которого открывался вид, захвативший меня целиком. Это был вид на долину, небо над которой словно провисало, в буквальном смысле этого слова. Синеватое пространство с неисчислимым количеством звёзд словно выпячивалось к городу, образуя некое подобие воронки. Нечто подобное можно было видеть на компьютерных моделях «чёрных дыр», которые любили показывать в научно-популярных фильмах про космос.

Сам же город выглядел именно так, как его описывал доктор Кристенсон. Не очень обширный, он был обнесён высокой каменной стеной, с несколькими воротами в различных

частях. Застройка в городе, и это было видно с нашей позиции, делилась на уровни – простые домишки в один-два этажа с черепичными крышами, затем возвышался уровень зданий в три-четыре этажа, с балконами, колонами, стены этих зданий были украшены лепниной. В центре города располагался замок – сердцевина этого образования. Он не был массивным, а его архитектура свидетельствовала скорее о функциональности, нежели стремлении впечатлять стороннего наблюдателя.

– Что мы будем делать теперь? – спросил я своего проводника, который до той поры оставался безмолвным и смотрел на город с какой-то тоской во взгляде.

– Мы дождёмся нужного часа, когда я смогу провести тебя туда, за стены города, и ты увидишь то, что так жаждешь. – сказав это, незнакомец даже не посмотрел в мою сторону – Однако пока у нас есть время, нам стоит обсудить один важный момент.

Сказав это, мужчина подошёл ко мне и я понял, где я видел его образ ранее. Я был поражён до глубины души, это заставило меня сделать несколько шагов назад. Мужчина улыбнулся.

– Распознал мой образ, да? – сказав это, он приподнял свои руки и сам осмотрел тонкие предплечья, на запястьях тут-же проступили следы от верёвок, как если бы они были длительное время перевязаны. Затем незнакомец взглянул на свои ладони. Подняв руки так, чтобы я мог их видеть, он продемонстрировал мне тыльные стороны ладоней, и я увидел как на них проявились кровавые следы – стигмы – от пронзивших их некогда гвоздей. Опустив и несколько отведя руки в сторону, мужчина позволил мне увидеть проступающее пятно крови, на его правом боку, чуть выше подреберья. Вдобавок ко всему, на лбу вырисовывались многочисленные садины от чего-то, что не пощадило его кожу, обвивая голову – будто венец.

Я, не в силах выносить этого вида, закрылся руками, отгораживаясь от ужасного зрелища.

– Это так много значит для вас. – говорил мужчина, – Весь этот образ, что я не мог не научиться имитировать его, в отличие от всех остальных моих «масок», эта – открывает двери в сердца людей.

Когда я набрался сил и вновь взглянул на своего проводника, от продемонстрированных минутой ранее увечий не осталось и следа. На меня вновь смотрел прежний облик.

– Тебе закрыт путь в тот город, как бы сильно ты не ломился в «парадную дверь» Твоё время ещё не пришло, Олег.

Произнеся моё имя, мужчина уничтожил остатки всяких моих сомнений. Теперь я понимал, передо мной по-прежнему стоял тролль, тот самый, что застал меня врасплох у моста.

– Однако, – продолжал тролль – ты так стремишься туда, потому что там обитает она... Я прав? Прав... Назови её имя!

Я замер в нерешительности, глядя на существо в самом прекрасном из образов.

« – не называй троллю своё имя!» – пронеслась мысль в моём сознании.

– Уже поздно, – констатировал тролль, в очередной раз, давая понять, что он мог с лёгкостью читать мои мысли – поздно для тебя и для неё.

– Инна... – выговорил я, преодолевая ком в горле, заставляя непослушный язык выполнять его исконную функцию.

Мужчина прекратил улыбаться.

– Я отведу тебя к ней, туда, за стены города. Ты увидишь её, найдёшь подтверждение своей догадке, распалив и без того воспалённую мечту... Что дальше?

Я ничего не мог ответить, ведь и в этом тролль был прав, я понятия не имел, что я мог поделаться – увидев её там.

– Ты говоришь, она не сможет меня увидеть? – спросил я, запинаящимся от волнения языком – Я не смогу сказать ей...

Тролль отрицательно покачал головой, давая мне ответ – который я уже знал. Однако, он сказал:

– Я могу помочь тебе.

– Помочь как?

– Я мог бы сделать так, чтобы она смогла внять твоим словам, и даже больше!

Если бы мы находились в материальном мире, услышав такое – меня бы затрясло.

– Ты хочешь сказать, – я перебил тролля – ты можешь помочь мне вернуть её обратно?

Троль в образе самого известного в мире незнакомца улыбнулся в ответ.

Часть 2

Я пробудился под светом холодной, люминесцентной лампы, то был светильник медицинской установки, направленный на меня с некоторого возвышения. Осмотревшись, преодолевая яркие блики на еще не привыкших к свету глазах, я вдруг понял, что находился в больничной палате. Отчасти мне была знакома эта среда, ведь до приезда в Шиксаль, мне уже доводилось побывать в подобных условиях. Разумеется, здесь всё выглядело куда цивилизнее, но сути это не меняло. Наверное, даже обитатель самых нищих африканских деревень, раз побывав в лазарете, никогда не забудет самые яркие впечатления от этого опыта. Так и я, вдохнув запах дезинфекционных растворов, устранил всякие сомнения в отношении места моего пребывания. Обретённое осознание отдалось невыносимой болью. Это не было физическим ощущением, разумеется. Я испытывал лёгкое головокружение, и то лишь от того, что мне дали какой-то препарат. Меня настигло отчаянье, которое, уподобившись остервенелому «церберу», вгрызлось мне в самое солнечное сплетение, нащупав там нерв и теперь пыталось вырвать всё моё содержимое наружу.

Я понял, что сознание моё сыграло со мной невероятно жестокую шутку, подарив эту галлюцинацию о тролле, о нашей странной беседе и путешествии в мир, которым был пропитан мой мозг за все эти последние дни общения с Кристенсоном.

Я лежал на функциональной кровати, не пытаюсь встать, я не видел причин для этого. Мне казалось, что сделай я подобный шаг, и вместо холодного, негостеприимного кафеля медицинской палаты, моя стопа коснётся пустоты, и я провалюсь в бездну ада – туда, где мне и надлежало очутиться, судя по всему.

– Я уже могу его с ним поговорить? – раздался голос за дверью, достаточно громко, чтобы я мог его слышать. Это был мой отец, он вошёл в палату энергичными шагами.

– Ну что, балбес! Какого чёрта ты себе позволяешь?

Меня поразили его слова, такого я не слышал, как мне показалось, уже целую вечность. Критичность моего отца и его готовность обрушить на меня весь шквал своего недовольства, обвинив во всём, на чём свет стоял – то, каким он всегда был до смерти Инны и моего опустошения. Теперь же он вновь вернулся в то своё состояние, это просто изумило меня. Я не нашёл, что ответить, меж тем отец продолжал:

– Ты хоть представить можешь, идиот, как мы все за тебя волновались? Мне уже сегодня утром нужно было улетать назад, а теперь я пропустил рейс, встречи горят! Что ты смотришь, как debil?

Я действительно глядел на отца как умалишённый, на долю секунды мне показалось, что я очутился в ту пору, когда моя жизнь ещё протекала по-прежнему.

– Инна с детьми ждут, когда им разрешат увидеться с тобой. – отец буквально бросил эту фразу, как укор, в мой адрес.

Я обомлел. Я не знал, как реагировать на эту его выходку. Он мог злиться, это понятно, но так бесчеловечно глумиться надо мной и памятью о ней!

– Что ты сказал? – я привстал с постели, чтобы иметь возможность взглянуть отцу в глаза – Ты в своём уме, говорить такое?

Отец уставился на меня. В его взгляде читалось раздражение смешанное с недоумением.

– Я не останусь здесь ни минуты. – с этими словами я заставил себя встать с постели, мои ноги были словно ватные, но усилием воли – мне удалось сохранить опору под собой.

– Куда ты направился, Олег? – голос моего отца теперь выражал растерянность.

– Я не намереваюсь больше никому создавать проблем. – отвечал тогда я, не глядя на отца и вообще – стараясь отстраниться от всего окружающего меня – Передай доктору Кристенсону,

что я благодарен ему за наши беседы. Однако, ему придётся самому достраивать тот замок из песка, фундамент которого он воздвиг...

Не дослушав меня, оборвав мысль, только начавшую обретать некую «поэтическую форму», мой отец сказал:

– Кто, чёрт возьми, такой доктор Кристенсон?

Я уставился на отца, тот продолжал глядеть на меня так, будто видел во мне разбитого бредовым расстройством маразматика. Некоторое время мы молчали.

– Олег! – раздался женский голос, который я мог узнать из тысячи, на пороге палаты стояла она, одетая в бежевое, осеннее пальто, не захваченное поясом. Из-под распахнутого пальто выступала знакомая мне, алая блуза, воротник которой был настолько высок, что касался её подбородка, служа защитой от ветреной погоды и деликатным обрамлением её ни с чем несравнимого лица. Выражение этого лица, в данный момент, отражало тревогу, смятение и те чувства, которые, благодаря её природной нежности, обретали непередаваемую выразительность эмоций.

– Инна... – это было единственным словом, которое пришло мне на ум, её имя. Отстукивая высоким каблуком о кафельный пол, она за несколько шагов уничтожила остаток дистанции между нами, оказавшись рядом со мной. Наши руки, словно сами собой, сплелись в объятье, и секундой позже, мы прижались друг к другу, ощущая, как вздымались в такт нашему дыханию, наши грудные клетки. Выбор у меня был невелик. Я мог потерять сознание от переживания, мог прямо здесь и сейчас потребовать ответа – что же всё-таки происходило на самом деле, однако я выбрал совершенно иной «путь» Я сомкнул веки и позволил своим чувствам увлечь меня прочь от последних отголосков здравого смысла.

Спустя несколько часов, на протяжении которых я ощущал себя словно в гуще размытой реальности, мы оказались дома. У нас дома... Выходило так, что мы жили в городе Шиксаль, куда переехали с детьми, в погоне за лучшим их будущим. Дела наши шли не шатко ни валко, тем не менее жили мы не бедно, благодаря скрипучей помощи моего отца. Имея вид на жительство и разрешение на работу, мы всё ещё проходили запутанную процедуру легализации. Инна посещала курсы шведского для иммигрантов, а также оформляла какие-то документы на работу, имеющую отдалённую связь с её специальностью. Я же участвовал в каком-то проекте, связанном с IT, но дело было «мутным» и неопределённость всё больше склоняла меня в сторону простой работы, за которую можно было получать очевидное вознаграждение. Наши дети, тем не менее, уже ходили в субсидированные школы, и в этом мы видели компенсации наших личных неудобств.

По словам Инны, в последнее время я был сам не свой, возвращаясь домой поздно, я не был склонен делиться с ней новостями. Я, судя по всему, замыкался в себе, и предпочитал одинокие вечерние прогулки – беседам в кругу семьи. Это серьёзно беспокоило Инну, однако она не предпринимала никаких действий, покуда мои исчезновения не сделались регулярными. Тогда, единственной «инстанцией», куда она могла обратиться, оказался мой отец.

Накануне вечером, когда мой отец уже гостил у нас дома, я в очередной раз ушёл, отделившись отговорками и спутанными ответами на общие вопросы. Однако в этот раз я не вернулся даже в те часы, возвращение в которые стало для меня привычным делом. Отец и Инна подняли шумиху, оповестив полицию. Результатом стали поиски в окрестности.

– Они нашли тебя уже под утро. – рассказывала Инна, когда я сидел за кухонным столом и глядел на её фигуру в домашней пижаме, сверяя каждое её действие с тем, что я помнил, что сохранилось в моей памяти о женщине, которую я некогда любил и погубил своей же беспечностью.

– Ты лежал без сознания возле моста через реку, не так далеко отсюда. – сообщила Инна, обернувшись и посмотрев на меня – Ты что, совсем ничего не помнишь?

Я некоторое время всматривался в пару её зелёных, изумрудный глаз.

– А ты?

Она ничего не ответила, не изобразила ни единого жеста, вернувшись к своему занятию.

Я сидел на диване, в гостиной нашего дома. Я был поглощён тенями, предпочитая не включать свет, так мне было спокойней. Её босые ноги ступали по паркетному полу практически бесшумно, тем не менее, я мог предугадать её появление по аромату её тела, тонкой ноте парфюма, которая не покидала её даже дома.

– Ты сам не свой... – сказала Инна, присев рядом со мной, нежно коснувшись своей ладонью моего предплечья. Это было так знакомо, и я ощущал, как столь приятное действие сопровождалось в моём теле волной болезненной тревожности.

«– Как это может быть правдой?» – думал я, прилагая усилия, чтобы ничто в моём поведении не выдавало этих мыслей, в противном случае я бы просто не знал как ответить на её вопросы.

Задать свои вопросы у меня не получалось, я попросту не знал с чего начать.

– Когда вы приехали в Шиксаль? – спросил я.

Инна посмотрела на меня с некоторой обеспокоенностью во взгляде.

– Мы приехали? – переспросила она, как если бы были основания полагать, что она не расслышала вопроса – Мы все живём здесь уже четыре месяца. Ты что, не помнишь?

Вместо ответа я смотрел в её глаза.

– А дети...? – неуверенно спросил я.

Инна пожала плечами.

– Они с нами с самого первого дня. Где им ещё быть.

Я понимал, что там, в детской, в своих постелях спали двое детей, мальчик и девочка, которых я не знал ни в какой мере. Они были моими детьми, но я не знал о них ровным счётом ничего.

– Они ничего не знают, – говорила Инна, неосознанно понижая голос, едва не переходя на шёпот – Я сказала им, что тебе нужно было уехать по работе...

Она замолчала, о чём-то задумалась. Отведя взгляд в сторону, испытывая смущение, она заговорила вновь, но голос её при этом дрогнул:

– Ещё этим утром я подумала, а что если уже никогда не увижу тебя...

Я сам не отразил, как совершил это движение – обняв её и прижав к себе. В моих объятиях, уткнувшись лицом в моё же плечо, она зашлась мелкой дрожью. В моих жалких попытках успокоить её я вдруг подумал – каким же идиотом я был, позволив однажды всему этому исчезнуть.

Утро огласили голоса детей, они уже выбрались из своих постелей и достигли кухни. Инна поучала Ханну, нашу дочь, которая была старше своего брата всего на полтора года. А вот Виктор, несмотря на «звучащее» имя, отличался довольно мягким характером и часто уступал сестре во всём.

Откуда я знал всё это? Я понятия не имел. Наблюдая за этими двумя маленькими людьми, у меня складывалось впечатление, будто я читаю написанный кем-то роман о семейной идиллии.

Дети были рады моему возвращению из «рабочей поездки» и они смеялись, дёргая меня за руки, перебивая друг друга на все голоса, я же только смотрел на них.

Чуть позже Инна объявила сбор и вскоре она уже выводила наших детей на улицу, намереваясь проводить их до автобусной остановки, откуда их забирал школьный автобус и их следующее появление, разрушающее идиллию тишины, должно было состояться только во второй половине дня.

Пока их не было дома, я осматривал то, из чего состоял наш интерьер. Жили мы не в нужде, хотя всё вокруг было просто, с лёгким налётом аскетизма, который здесь, в Скандинавии, почитался за проявление хорошего вкуса.

Помимо утвари, предметов обихода и иных незатейливых предметов, я не обнаружил вообще ничего, что могло бы хоть как-то отразить особенности нашей жизни. В нашем гардеробе были вещи, каждая из которых была мне хорошо знакома. Я помню, как старательно избавлялся от всего, что напоминало о Инне, это было частью терапии, совет одного из многочисленных психологов, нанятых моим отцом.

Мой отец... Я поймал себя на мысли, что вчера я наблюдал того своего отца, которого оставил в «прошлой жизни», энергичного, жёсткого, бескомпромиссного. Я помнил, как в самом сердце я питал неприязнь к этим его чертам, однако теперь, вспоминая – каким подавленным он был – пытаюсь помочь мне, я вдруг пришёл к выводу, что тот его образ – с «шпорой в заднице», устраивал меня куда больше. Да, с ним было тяжело, но он сам – не страдал из-за меня.

В нашей спальне, спустя какое-то время, я увидел картину. Этот предмет интерьера был мне незнаком, раньше я его никогда не видел, наверно поэтому он словно заноза – впился в мою роговицу.

Это была картина маслом, выполненная в современном стиле, с чёткими текстурами. Судя по всему, это был сперва карандашный рисунок, по которому, позже, была пущена оживляющая вид – краска.

По своему стилю это был пейзаж, и мне понадобилось какое-то время, чтобы разобрать его детали. Это был вид на долину, в которой нашли своё уютное расположение два каменных дома в два этажа, с деревянными двускатными крышами. У одного из домов, из крыши выходил дымоход, горловина которого выпускала тонкую струйку дыма. В нескольких местах, словно повинувшись случайному выбору художника, из каменистой почвы, покрытой зелёной травой, в небо устремлялись гордые ели. Они стояли пучками по три штуки, те, что были ближе всего к наблюдателю – выглядели столь внушительно, что казалось, если бы откуда-то с заднего плана подул ветер, эти исполины бы накренились на того кто смотрел на картину. Петляющая, каменистая дорога уводила вдаль, делая изгиб вокруг выступающего из земли камня. На заднем фоне виднелась огромная гора, вершина которой упиралась в синее, практически безоблачное небо. Это напоминало альпийские мотивы в работах кисти Альберта Лигера и подобных ему пейзажных романистов. Где-то слева, за одним из стоявших неподалёку домиков, начинался лес, который словно вырастал из скальной породы. Присмотревшись внимательней, я разглядел тропу, которая брала своё начало у подножия этого скального массива и начинала уводить вверх, извиваясь – что змея. Мой взгляд опередил хитрый ход тропы и я разглядел как на возвышенности скалы проступали контуры руин какого-то сооружения, явно фортификационного толка. Словно старательная кисть художника поместила туда, в максимально естественной манере, руины крепости.

Все эти деревья, тропы, горы, небо, в конце концов, мне достаточно было нескольких минут вдумчивого созерцания, чтобы в моей памяти увиденное совпало с пережитым. Сомнений быть не могло, на картине был выхвачен фрагмент пространства из моего странного путешествия. Я не знал, как правильно именовать этот феномен, но называть его галлюцинацией или видением – язык не поворачивался. Я был шокирован этим обстоятельством, как если бы фрагмент моего сна, увиденный кем-то ещё, вдруг нашёл своё воплощение в материальном мире в виде картины.

У картины не было подписи, так что я затруднялся определить авторство полотна. Лишь позже, когда Инна вернулась, она хотела мне что-то сообщить, но я перебил её и сразу же отвёл к картине. Мы стояли в нашей спальне, она только и успела разуться. Мы оба смотрели на кар-

тину, молча, наши взгляды прогуливались по тропам, слонялись между елями, периодически прикасаясь к горным вершинам.

– Откуда у тебя эта картина? – спросил я.

Инна посмотрела на меня с изумлением.

– Как, ты и этого не помнишь. – в её голосе послышались нотки разочарования – Я нарисовала эту картину, незадолго до того как мы приехали в Шиксаль.

Я обомлел от удивления, не придумав ничего лучше, чем спросить:

– Ты уверена?

– Разумеется я уверена! – отрезала Инна – Я потратила два месяца, чтобы нарисовать её, и закончила лишь незадолго до нашего отъезда.

– А откуда... – я не знал, как сформулировать этот вопрос – ну ты понимаешь, откуда ты взяла идею для этого пейзажа?

Вместо ответа Инна вновь посмотрела на картину, словно пытаясь что-то вспомнить и я мог поклясться, что-то несомненно проскользнуло в её памяти. Она прищурилась, как если бы это могло помочь её внутреннему взгляду рассмотреть глубины собственной памяти.

– Знаешь, – отвечала она – ты наверно будешь смеяться, но я не могу вспомнить, где именно видела это место.

Ещё одно мгновение она молчала, затем продолжила:

– Я видела это место, как если бы то был сон или наваждение, но я не могу вспомнить где и когда.

Я не стал настаивать, отчасти потому, что ощущал, как нелегко ей давались эти воспоминания, а отчасти – потому как боялся получить ответ. Ещё больше я боялся подтолкнуть её к той пропасти, откуда, совсем недавно, мой мир был извлечён. Для чего? Чтобы дать мне второй шанс? Это стало первостепенной загадкой моей новой жизни.

Меж тем, жизнь шла своим ходом, и я старался изо всех сил привыкнуть, адаптироваться к ней, ощущая свою чуждость и липкое чувство неуместности моего присутствия в этой жизни, как если бы я вторгся в чей-то сон. Одолеваемый подобными мыслями, я утешал себя лишь тем, что если это и был сон, то принадлежать он мог лишь мне, столь родными были эти видения счастья.

Мои дни были размыты, они словно просачивались, что мелко-дисперсный песок сквозь пальцы. А вот утреннее время и вечера я проводил с семьёй, в новообретённом мире. Привыкая к ним, я не переставал задаваться вопросом, что заставило меня некогда разрушить эту идиллию. Теперь я был готов на всё, чтобы только защитить наш микрокосм, позволив своей, вновь ожившей душе, зацвести жизнью весеннего луга.

Часть 3

Ночами я наконец стал высыпаться. Во многом это стало возможным благодаря полному отсутствию сновидений – как таковых. Я конечно понимаю, что сновидения никуда не делись, это попросту невозможно, однако я утратил способность помнить даже самые поверхностные их черты, из-за чего между моим засыпанием и пробуждением установилась «чёрная пропасть», сжирающая часы моего покоя.

Иногда я просыпался, обнаруживая, что до часа нашего подъёма ещё оставалось какое-то время. Я лежал на своём месте, стараясь не шевелиться и дышать в такт с дыханием Инны, глядя на экскурсию её грудной клетки, словно бы убеждаясь в том, что она жива.

– Ты что, не спишь? – сонным, слегка спутанным голосом, спрашивала Инна.

– Не знаю... – отвечал я, удивляясь тому, насколько близким к истине был этот ответ.

В один из дней, оказавшись перед парадной дверью нашего дома, я заметил зажженный свет в окнах нашей гостиной. Это было нетипично для нынешнего часа, и отдельные черты фигур, которые уловил мой взгляд, позволили мне предположить, что к нам наведались гости. Когда я вошёл в дом, Инна встретила меня в прихожей.

– Привет! – её улыбка согревала меня ещё прежде чем я оказывался в зоне действия радиатора – У нас сегодня гости...

Я мог оценить её смущение, даже если она напрямую это не озвучивала, а мой взгляд, настроенно брошенный в направлении гостиной, оказался лучшей формулировкой вопроса.

– Этот мужчина утверждает, что его зовут Кристенсон, и кажется это действительно так, он показал мне свой паспорт.

Услышав это имя, меня словно ударило током. Очевидно, Инна заметила моё удивление.

– Он говорит, что он доктор, какой-то там психолог, или что-то вроде того.

– Что он хочет? – спросил я, задав этот вопрос достаточно громким голосом, забыв о том, что гость мог это легко услышать.

Инна только пожала плечами.

– Он говорит, что ему необходимо увидеться с тобой, что якобы вы знакомы.

Я замер, вдруг мне стало ясно, что в лице невесть откуда взявшегося Кристенсона, в мой новый мир вторглись призраки мрачного прошлого.

Преодолев скованность, я прошагал в гостиную. Доктор сидел в кресле, сложив руки на коленях, он осматривался вокруг, в его облике сквозила неуверенность, он явно не был в восторге от того, что находился здесь.

Наши взгляды встретились, в этот момент могло показаться, что сам воздух в помещении сделался напряжённым и подобно струне – мог начать исторгать звук.

– Добрый вечер. – приветствовал я доктора, не приближаясь к нему и не протягивая руки. Наши взгляды приняли на себя эту функцию рукопожатий.

Критсенсон ответил молчаливым кивком головы, я присел в кресло напротив, длина дивана служила пространственным разграничителем между нами.

– Олег, – начал наконец Кристенсон – как вы поживаете... здесь?

Последнее произнесённое слово в его вопросе прозвучало, как если бы он стеснялся окружающего его пространства.

– У меня всё более чем неплохо, ... как видите. – я отвечал, стараясь звучать уверенно, мне не было понятно, имею ли я дело с Кристенсоном из той моей жизни, где серость действительности уже отравила всякие мои перспективы, или же это был ещё один представитель дарованного мне мира, не имевший никакого представления о том, что со мной случилось.

– Как ваши родители, – продолжал доктор – поддерживаете контакт?

Я несколько растерялся, получив этот вопрос.

– Я, если честно, уже давно от них ничего не слышал. – ответил я – Отца я видел в последний раз, когда пришёл в себя, в больнице.

В воздухе повисло неловкое молчание. Под взглядом доктора я продолжил:

– Знаете, со мной произошёл довольно странный случай, вы могли слышать...

Кристенсон смотрел на меня, словно бы сказанное мною не имело никакого значения.

– Я потерял сознание, на улице. Очнулся уже в больнице. Моя жена рассказала, что примерно случилось за это время...

– Олег, вы же всё помните, не так ли? – спросил доктор, словно игнорируя мои слова.

Я уставился на него, и на этот раз мой взгляд выражал испуг, смятение. Это был тот самый Кристенсон, он помнил все наши беседы, и при нём было знание того, что я изо всех сил пытался забыть.

– Что вы имеет в виду? – спросил я, в виду нежелания отвечать на поставленный ранее вопрос.

– Я здесь не просто так. – ответил доктор – Я должен открыть вам глаза на обстоятельства...

Возможно впервые в жизни это слово – «обстоятельства» вызвали у меня такой приступ злости, что мне захотелось буквально заорать на непрошенного гостя, однако я чудом сдержался.

– Послушайте, – я перешёл в наступление – я понятия не имею, о чём вы говорите? Если вы не собираетесь изъясняться конкретней – я попрошу вас покинуть наш дом!

Доктор плотно сжал губы и выдохнул через нос, его терпение тоже подвергалось испытанию.

– Вы серьёзно заблуждаетесь, Олег! Вы позволили себе сильно обмануться!

– Моё терпение таит с каждым вашим словом! – я уже представлял, как схвачу этого умника за рукав и выволоку за дверь, однако на пороге гостиной появилась Инна.

– У вас здесь всё в порядке? – обеспокоенным голосом поинтересовалась она – Быть может вам стоит встретиться в более деловой обстановке, вне дома?

Её появление заставило и меня и доктора посмотреть на неё. Кристенсон, при виде моей жены, ещё раз вздохнул.

– Инна, разрешите мне задать вам пару вопросов? – вежливым тоном спросил он.

– На каком это основании, вы собираетесь задавать мне вопросы? – последовал немедленный ответ моей жены, и это удивило меня самого. Разумеется, в данной ситуации я полностью поддерживал супругу, однако я никогда не слышал, чтобы в её голосе звучала столь «звонкая сталь» и она столь быстро переходила «в атаку»

– Вы появляетесь у нас дома, пользуетесь гостеприимством, не утруждаясь объяснить, в чём собственно дело, и теперь ещё намереваетесь задавать какие-то вопросы. Это неслыханно!

Я понятия не имел, какая «валькирия» вселилась в Инну, но перед лицом сложившихся обстоятельств, эта её перемена была мне на руку, я могу позволить себе выпроводить Кристенсона без лишних церемоний.

– Я прошу прощения, – виноватым тоном заявил Кристенсон – однако мой вопрос не доставил бы вам многих хлопот!

– Нет, господин как вас там, никаких вопросов! – отрезала Инна, ещё сильнее удивляя меня, и я уже намеривался вступить в эту «игру», когда доктор вдруг произнёс:

– Инна, скажите пожалуйста, что стало с вашим жильём, в котором вы жили до прибытия в Шиксаль?

Этот вопрос подействовал на меня как чан ледяной воды, опрокинутой мне на голову. Разумеется для меня это не было вопросом вообще – наша квартира была продана моим отцом,

поскольку я на тот момент был «никакой» Деньги были нужны на элементарную организацию нашего длительного пребывания в Швеции. Но Инна, та, которую я любил и бездумно потерял, уже не могла об этом знать.

Стоя в проходе, она буквально онемела от поставленного пред ней вопроса. На мгновение мне показалось, что она просто замерла в недоумении, но эта пауза длилась подозрительно долго, в воздухе висела звенящая тишина.

– Что с ней такое? – спросил я доктора, а тот смотрел на Инну с подлинным интересом исследователя.

– Она замерла, остановилась! – Кристенсон констатировал факт, свидетелем которого я и так являлся – Я так и полагал...

– Что ты полагал? Отвечай! – между тем, чтобы не напасть с кулаками на доктора оставалась весьма тонкая грань.

– Разве ты не видишь? – наконец Кристенсон посмотрел на меня – Она не настоящая! Она – часть твоего сна!

Я до сих пор помню своё изумление. В первые несколько секунд я испытал шок, потрясение, на смену которого пришла полнейшая беспомощность. Я подошёл к Инне, которая, словно высококачественная восковая статуя, оставалась недвижимой, и если бы не её, исполненные иллюзией жизни, черты, можно было бы принять её за результат искусной работы таксидермиста.

– Это не она, Олег, услышьте меня! – настаивал Кристенсон, оставаясь на своём месте.

Я повернулся к нему лицом, очевидно что-то в моём облике, в этот момент, напугало доктора и он отступил на несколько шагов, едва не упав на диван.

– Что это всё значит, Кристенсон? – я потребовал объяснений.

Доктор, очевидно не в силах оставаться на ногах, присел на диван, продолжая глядеть на Инну.

– Всё так, как я предполагал, всё именно так... – бубнил Кристенсон, игнорируя мой вопрос, отчего мне пришлось подойти к нему. Оказавшись буквально над ним, я ухватил доктора за грудки и с силой рванул вверх, заставляя подняться на ноги.

– Я ещё раз спрашиваю, – как мне кажется сейчас, в тот момент я не столько говорил, сколько рычал на ошарашенного доктора – Что это значит? Что с ней такое?

Кристенсон наконец посмотрел на меня более-менее осмысленным взглядом.

– Это всё, – заговорил он, одновременно освобождаясь из моей хватки – всё что вы видите здесь, вокруг вас, это всё – не настоящее. Это сон, наваждение, понимаете?

Разумеется я не понимал. Мне казалось, что доктор решил вести со мной какую-то очень глупую игру, однако, в тоже самое время, я не мог игнорировать ни свои собственные наблюдения, ни здравый смысл. Казалось, что тот самый «ментальный чулан» куда я запрятал свои сомнения, развалился и все «скелеты» теперь слились в этакое «la danse macabre» - «пояске смерти», абсолютно абсурдном явлении, не поддающимся разумному объяснению.

– Вы всё-ещё в больнице, Олег. – продолжал доктор, очевидно приведя свои мысли в порядок – Вас нашли недалеко от моста, на следующее утро после того, как вы покинули своего отца, отправившись на прогулку. Врачи сказали, что на вас не было обнаружено никаких признаков насилия. Однако вы впали в кому, это единственное научно-обоснованное объяснение вашему состоянию, которое подобрали клиницисты.

– Что за чушь вы несёте... – недоумевал я – Я пришёл в себя в больнице, но это было далеко не вчера, и никакой комы...

Я замолк, вспоминая события, предшествующие своему пробуждению. Мне стало жутко от того, как сказанное Кристенсоном великолепно укладывалось в общий узор, ранее непонятного мне, события.

– Вы что же, – продолжал я – хотите сказать, что я всё ещё в коме, там, в больнице?

Кристенсон вздохнул, прежде чем ответил:

– Ну по правде говоря, назвать это комой можно с очень большой натяжкой. Клинические проявления отсутствуют и по всем признакам – ваше состояние это некая форма сна.

– Сна? – переспросил я, будучи не уверен, правильно ли я понял доктора – То есть я сплю, там, в больнице?

Кристенсон растеряно пожал плечами.

– Это феноменально! Но похоже вы погрузились в какую-то аномальную форму сна, из которой не можете выйти.

Так как я оказался в ситуации, которую нельзя пожелать и врагу, чувство растерянности овладело мной. Чем яснее я понимал значение слов Кристенсона, тем сильнее становилось отчаянье. Выходило всё так, будто новообретённый мир, успевший стать очагом моей надежды, теперь рушился у меня на глазах, забирая всё то, что я ещё совсем недавно успел воссоздать.

Беликий Моэм писал в одном из своих бессмертных произведений, что ощущение рушащейся надежды сродни чувству, как если бы потратив дюжину лет для строительства любимого семейного дома, однажды утром вы обнаружили группу уполномоченных лиц, вооружённых ломом, которые бы методично, а главное – без всяких на то объяснений, разобрали ваше творение до основания. Примерно такое же чувство постигло меня, и я не мог ничего сделать – только наблюдать за разрушением своего мира.

– Ваш отец, – говорил доктор, слегка понизив тон голоса, словно смущаясь чего-то – он там, с вами, места себе не находит.

Вспомнив, что Кристенсон всё ещё был здесь, вместе со мной, на свежих руинах моих надежд, я обратился к нему:

– Как вы сюда попали? Почему вы можете быть здесь, если это мой сон?

Доктор внезапно расплылся в улыбке.

– Это тоже невероятно! Но похоже, я в достаточной степени овладел техник люцидного сна! Ну знаете, мы говорили с вами об этом, осознанное сновидение, когда сознание получает контроль над сновидением.

Я помнил как доктор рассказывал мне про этот феномен и про выдающихся деятелей в этой области. Однако я не придавал достаточного значения этим идеям. Прежде всего потому что меня заботил совсем иной вопрос.

– Но послушайте! – изумился я – Откуда, в таком случае, вы знаете, что я не являюсь частью вашего сновидения? Ведь если вы вошли в свой сон, усилием воли координируя его развитие, то разве не логично предположить, что всё, с чем вы сталкиваетесь – это плод вашего воображения.

Кристенсон продолжал улыбаться. Он замотал головой.

– Нет, совсем нет! Дело здесь не в контролируемом сновидении, я, входя в состояние сна, ставил своей целью отыскать обитель вашего сознания, посему, с высокой долей вероятности, наблюдаемое вокруг – плод вашей фантазии.

Сказав это, доктор осмотрелся и словно найдя дополнительные подтверждения своим словам – он несколько раз кивнул.

– Да! Это определённо плод вашего воображения. Скажем вот эта женщина, – с этими словами Кристенсон указал взглядом на дверной проём, где стояла Инна. К своему удивлению я обнаружил, что моей жены там не было.

Словно упреждая мой вопрос, доктор поспешил с объяснениями.

– Ещё на стадиях исследования феномена осознанного сновидения, следуя рекомендациям Кастанеды, я учился обретать контроль над своим телом, понимаете? Я имею в виду – осознанный контроль. Это была предпосылка к обретению контроля над всем происходящим. – доктор сделал здесь паузу, внимательно посмотрев на меня, словно оценивая, понимаю ли я, о чём он говорил – Когда мне это удалось, и я обрёл некоторую устойчивость в удержании

сознания в узде сна, я приступил к самому интересному для меня – взаимодействию с другими объектами внутри самого сна, так сказать – с другими персонажами. Прежде всего мне хотелось завязать с ними непринуждённую беседу, чтобы заставить реагировать на те вербальные стимулы, которые я бы им сообщал. Понимаете?

Я прошагал к стоявшему рядом креслу, и едва не свалился в него, прижав ладони к лицу, мне вдруг захотелось растереть глаза, как ели бы я сбрасывал с них пелену наваждения.

– Это может казаться несколько сложным, – продолжал Кристенсон – но это чрезвычайно интересно! Видите ли, само сновидение – это продукт подсознания, то есть творение не зависящее от сознания и воли. Как только мы устанавливаем контроль над сновидением, наше сознание вытесняет подсознание, загоняя его обратно в своё укрытие, оставаясь наедине с тем, что коварный обитатель наших ментальных глубин подсознание я имею в виду, уже сотворило. Здесь встаёт интересный вопрос!

– Вы имеете в виду, – выдохнул я и решил, что ясности ради не лишним будет понять, что именно пытался сказать доктор – что при таком контакте происходит своего рода «конфликт» двух форм сознания?

Кристенсон обдумал мой вопрос, затем несколько раз кивнул, его выражение лица говорило о том, что ему импонировало моё «понимание» предмета.

– Всякий раз, когда я вступаю в контакт с образами из сновидений, всё вокруг замирало, как то произошло на твоих глазах с образом твоей жены. Не удивляйся её исчезновению – это закономерно! Образы буквально растворяются в пространстве, и само окружающее пространство следует их примеру. Полагаю это связано с тем, что само подсознание уступает место сознанию, и продукты «подсознательного», за неимением питающей их основы – рассыпаются.

Я, как мне казалось, понимал, в общих чертах, о чём говорил доктор.

– И что происходит потом, когда всё, как вы говорите, растворяется?

Кристенсон состроил притворно-удивлённую мину.

– Ну затем, вы либо просыпаетесь, так как сон обрывается, выбрасывая вас обратно в реальность, ведь сознание берёт контроль над вашим телом, или, если вы сможете вновь заснуть – ваше подсознание выберется из укрытия и сотворит новое сновидение.

Слушая Кристенсона, я обнаруживал, что многое из того, что он говорил, было знакомо мне с практической стороны, так действительно случалось в моей жизни.

– Но мой случай, получается, какой-то особенный? – спросил я, заведомо зная ответ на свой вопрос.

– О да, – доктор закивал головой – ваш случай – особенный – не то слово! Олег, доктора пытались пробудить вас доступными им способами, всё оказалось тщетно. При этом, средства электро-энцефалографии фиксируют все характерные признаки нормального, глубокого сна. Это не может быть спонтанной реакцией, скажите, что случилось?

Этот вопрос на мгновение поставил меня в тупик. Я, конечно же, прекрасно помнил, что случилось, и при желании, мог рассказать Кристенсону в деталях, однако это лишь усугубляло гнетущее меня чувство отчаянья. Я продолжал цепляться за эти обломки моей, стремительно тонущей мечты.

– Я помню, как направился поздно вечером на прогулку, так, бесцельно побродить, освежить голову. Вскоре я вышел к берегу реки и пошёл вдоль него пока не увидел мост. До этого я никогда там не был. Мне показалось интересным осмотреться вблизи. Там было тихо и совершенно безлюдно.

Кристенсон глядел на меня молча, словно верифицируя мою историю на предмет правдоподобности.

– Я помню, что сознание моё словно потухло, и затем я уже очнулся в больнице. Там был мой отец, и Инна появилась. – дальше мне не было резона искажать правду, поскольку я успешно обратил все последующие события в правду для самого себя.

– Но разве вам не показалось странным, что Инна, извините за прямоту, была там, когда она... – доктор не нашёл подходящих слов, и я пришёл ему на помощь.

– Когда я понимал, что она умерла. Всё верно, так всё и было. Я сперва поверить не мог своим глазам, но это не могло быть видением. Мой отец, он тоже вёл себя, как ни в чём не бывало, всё выглядело так, как если бы это я располагал ложными воспоминаниями. Знаете, придя в себя в больничной койке, и увидев столь убедительные доказательства, легко убедиться в своём заблуждении.

– Вы хотите сказать, – теперь был черед Кристенсона прийти мне на помощь – что вы убедили себя, будто ваши воспоминания были ложными, а наблюдаемые вами события – правдой?

Опасаясь неверного истолкования, я позволил себе некоторое время обдумать услышанное, затем я всё же дал утвердительный ответ. Любезно предложенная доктором версия подходила мне, я принял её как щедро-преподнесённую «маску», за которой мог скрыть свой собственный самообман. Однако, судя по выражению лица Кристенсона, его не покидали липкие сомнения.

Я осмотрел комнату, обстановка, к которой я уже успел привыкнуть, теперь казалось столь чуждой. Словно уловив ход моих мыслей, Кристенсон сказал:

– Не переживайте за ... неё. – он не решился назвать имя моей жены, для него это был всего-лишь образ, несуществующий плод моего воображения – Судя по всему, ваше подсознание старательно создаёт этот мир для вас, и образ вашей покойной супруги – не последний по значению компонент.

Моего взгляда, лишённого какой бы то ни было угрозы, оказалось достаточно, чтобы Кристенсон прекратил акцентировать внимание на неприятном для меня факте.

– Совсем скоро ваше подсознание восстановит приемлемую форму этого сновидения и вы сможете вновь... насладиться дарованным видением.

Я попытался выдавить из себя некое подобие улыбки, но очевидно получилось совсем неубедительно.

– Вы должны понимать, что долго так продолжаться не может. – поспешил заверить меня Кристенсон – Врачи не станут поддерживать вас на искусственном обеспечении. Вашему состоянию ничего не угрожает, с одной стороны. Однако, без парентерального питания вы начнёте увядать на глазах вашего отца.

Я представил себя, лежащим дома, в постели, старательно заправленной моей матерью. Моё тело медленно теряет свои жизненные силы. Сперва это напоминает похудение, которое постепенно приобретает черты анорексии, и вот, истончённая кожа, с характерным сероватым оттенком, плотно облегает все костные выступы, особенно рёберные дуги, поскольку грудная клетка ещё продолжается едва-заметно вздыматься в своей вялой экскурсии, сигнализируя о сохраняющемся дыхании. Затем – следующая метаморфоза, там, где костные выступы наиболее выражены – образуются пролежни, кожа вскрывается, обнажая костная поверхность выступает наружу, начиная контактировать с внешней средой. Родители, не сдерживая слёз, ухаживают за стремительно нагнаивающимися язвами, в бесплотных попытках замедлить наступление неизбежного. В конечном итоге – едва живой скелет отказывается дышать, наступает смерть... и несмотря на горесть утраты – мои родители, к собственному ужасу, испытывают хорошо-завуалированное облегчение.

Эта перспектива, которую моё сознание обрисовало в таких ярких тонах, могла оказаться достаточно ужасающей, чтобы обратить меня в бегство, но не бегство из «рая»

– Мне нужно время, – ответил я, сам не понимая, что говорю – я не могу сейчас... прекратить это...

– Время? На что? – недоумевал

– Вы что-то не договариваете, так ведь?

Я бросил беглый взгляд на доктора, он разумеется был прав, и я не питал иллюзий, будто бы мне удалось хоть что-то скрыть от него. Я не мог сказать ему, по ряду причин, но наверное самой главной был мой стыд, мои страх и стыд за то, какое малодушие я себе вдруг позволил. Теперь, когда мне были явлены ответы, я продолжал выбирать самообман, нежели – принять правду. Но что есть эта правда, для меня – потерявшего всякий интерес к той, настоящей жизни. Я прекрасно помнил свои ощущения там, среди миллионов людей, словно неосторожная искра, сорвавшаяся с костровища и взявшая курс в неизведанный мир холода. Судьба такой «искры» предрешена – она потухнет там, вдали от своего пламени.

Раз уж складывалось так, что «искре» моей жизни суждено было погаснуть, я счёл целесообразным провести остаток времени в том, что мне подарил тролль, как бы парадоксально это не звучало.

– Мне нужно остаться здесь, Кристенсон, поймите! – понятия не имею, зачем я взывал к этому человеку, наверно от того, что он был единственным существом, которое умудрилось познать оба моих «мира»

Кристенсон медленно встал с дивана, отведя взгляд в сторону. Он осмотрел комнату, в его взгляде угадывалась жалость, я лишь затруднялся сказать – что было её объектом.

– Я понимаю вас, Олег. Понимаю... – доктор тяжело вздохнул на последнем слове.

В этот момент мне вдруг захотелось прикоснуться к плечу моего гостя, чтобы так, издали и боязливо – ощутить материю реальности. Однако это выглядело бы неуместным жестом даже при той ситуации, в которой мы находились.

– Обещайте, что не расскажете об этом, – я обвёл взглядом пространство – не расскажете моему отцу!

Кристенсон, задержав взгляд на моем лице, поспешно кивнул.

– Разумеется, Олег. Это всё останется между нами. Никто об этом не узнает. Однако, я всё же попрошу вас попытаться быть благоразумным, и пожалуй... осторожным!

Я кивнул доктору в ответ, а когда я присел на диван, я даже не посмотрел ему вслед. Кристенсон медленно, без единого звука, прошёл по коридору и вышел через парадную дверь. Я знал, что там, за дверью, начиналась всеобъемлющая пустота, и она словно поглотила доктора. На самом же деле, он удалился туда, где был мир, которому он принадлежал, и который стал мне столь ненавистен.

Опустошение, разраставшееся внутри меня в тот момент, нужно было остановить. Лучшим средством была новая надежда, она, как известно, латает дыры в самых безнадежных «судёнышках веры, позволяя, со временем, штурмовать новые волны. В моём же случае имела «роковая пробоина», пустившая под откос всё. Посему, я не видел никаких иных способов, кроме как вновь позволить себе уповать на иллюзии.

Столь тщательно созданный образ рушился с каждым мгновением, и я был там, в центре этого микроскопического «универса» Я поспешил откинуться на спинку дивана и сомкнуть веки. Так, позволив темноте поглотить себя, я ждал. Я ждал, что в какой-то момент я почувствую что-то, что подскажет мне – «момент пришёл», но этого не случилось. Вместо этого, я провалился в зыбучие пески сна.

Пробуждение пришло столь же внезапно, как и моё засыпание. Я лежал на диване в гостиной, свет был выключен, хотя мои глаза довольно быстро адаптировались к темноте и я мог с достаточной ясностью наблюдать объекты вокруг. Всё было на своих местах, более того, прислушавшись – я услышал как на кухне мерно отбивали секунды настенные часы, которые мы привезли с собой. Инна любила их ритм в те моменты, когда в воцарившейся тишине ей удавалось взяться за книгу.

«– Инна...» – подумал я, и в памяти тут же восстановилась цепь недавних событий.

Я встал с дивана и пошёл туда, где находилась наша спальня. На этом, непродолжительном пути, я оценивал состояние всего, что могло различить моё зрение. Не без облегчения

я обнаружил, что всё выглядело в своём «первозданном» виде, и это означало, что моё подсознание восстановило едва не разрушившийся образ. Но впереди мне предстояло выяснить самую важную деталь.

Уже стоя у двери в спальню – я прислушался. С обратной стороны не доносилось ни звука. Я же ожидал услышать её мерное дыхание, но и этого не случилось.

Тогда, я осторожно потянул дверь на себя. Войдя в спальню, я с облегчением обнаружил, что на кровати спала Инна, укутавшись в тёплое одеяло. Она так любила укрываться – укутываясь в материю с головы до ног. Когда-то она мне рассказывала, будто эта её привычка – наследие давно-заложенных в ней чувств, словно бы она помнила, как в далёком младенчестве её мать пеленала её таким неумелым образом, и та успокаивалась в часы ночного беспокойства.

«– Но почему я не почувствовал её присутствия?» – задавшись этим вопросом, я тут же отнёс его, понимая, что это лишь ещё одна загадка, которой предстояло остаться без ответа.

Какое-то время я молча стоял и смотрел за тем, как она спала. Едва ли в мире было хоть что-то более притягательное для меня, что-то – дарующее больший покой и умиротворение, чем наблюдать за тем, как твоя любовь пребывает на вершине комфорта и безопасности.

Спустя какое-то время я осторожно прилёг рядом, соблюдая все возможные меры – только бы не разбудить её. Так, я еще какое-то время лежал неподвижно, пока не заснул, пытаясь даже этот процесс «синхронизировать» с ней.

– Эй, я не помню как ты пришёл! – такими были первые её слова по утру, и её лицо я видел перед собой.

– Я не мог иначе... – отозвался я, едва ли опасаясь, что слова мои могли выдать ей хоть что-то из событий минувшего вечера.

– Я думала, ты до утра там проспишь, на диване. – рассмеялась Инна – Ты пришёл так поздно и упал как подкошенный.

Я задумался над этими её словами.

– А ты что делала минувшим вечером? – спросил я, испытывая неподдельный интерес к тому, как моё подсознание выкрутится из этой ситуации.

Инна отвела взгляд в сторону, задумавшись. Это продолжалось совсем не долго, затем она вновь посмотрела на меня и ответила:

– Я когда с курсов вернулась, вспомнила, что ещё столько всего нужно было сделать по дому. Решила не откладывать в долгий ящик и занялась. Дело пошло быстро, но в конце концов, почувствовала себя как «загнанная лошадь». Я сама уснула, пока тебя ждала.

Я многозначительно кивнул, исторгнув какое-то междометие, удачно изображая понимание ситуации.

– Я думала ты расскажешь как твой день прошёл, но ты заснул «без задних ног». Я пошла в спальню и, можно сказать, последовала твоему примеру.

– Да, вполне себе здоровый пример, правда ведь? – усмехнулся я и поцеловал её, она ответила мне с охотой и нежностью, следующие полчаса мой самовозведённый «рай» расцветал «садами Элизиума»

Покинув постель и принявшись за традиционные утренние процедуры, я практически полностью отделался от последствий недавнего вмешательства Кристенсона. Я даже убедил себя, что принятое мною решение – остаться здесь, в своём сне, было единственно-верным, ведь иллюзия счастья вновь обрела свою яркость, затмив и изгнав прочь тени «уродливой реальности»

Весь последующий день проходил так, как и все предыдущие – я его не помнил. Разумеется, я понимал логическую последовательность действия человека, подчинённого рутинному циклу жизни. Я понимал, что завершив свой завтрак, мне надлежало отправляться к пункту остановки корпоративного транспорта и я, очевидно, в компании таких же представителей становящегося среднего класса – отправлялся на работу. Но вот ничего этого моё подсознание

уже не прорисовывало, наделяя меня лишь пониманием сюжета происходящего. Я делал шаг за порог и начинал двигаться туда, где находилась остановка автобуса, затем, в какой-то момент всё исчезало на долю секунды, чтобы я, осознавая факт прошедшего дня, вновь приближался к парадной двери.

Улыбка и объятие Инны, иногда – голоса детей, которые всё более эпизодически появлялись на моих глазах. С этими детьми не было никаких проблем. Появившись, они отыгрывали свою роль, в рамках общего контекста, и исчезали, якобы скрывшись в своих комнатах. Безусловно, какой-нибудь последователь идей Фрейда обнаружил бы здесь скрытое стремление запрятать проблему в «дальний угол», в моём же случае – моё подсознание ловко прятало все те аспекты «родительства», которые меня так пугали.

Вечерами, которые напоминали пребывание на сценической площадке, заставленной бутафорской мебелью, я пытался найти себе место, когда всё складывалось так, что внимание Инны мне не давалось. Мы никогда не ругались, и это уже само по себе могло вызвать подозрение, не зная я о природе моего существования в иллюзии. Однако, я не переставал испытывать тревогу всякий раз, когда по воле чьего-то сценария, я отказывался верить, что на то была воля моего подсознания, Инна исчезала. Моя жена, иллюзорные дети, все звуки имитирующие жизнь, исчезали, наполняя пространство тишиной. В один из таких эпизодов я постарался занять себя тем, что было доступно мне в моём одиночестве. Подойдя к книжной полке в гостиной, я обнаружил, что ни одно из моих движений, не провоцировало звука, как если бы я наблюдал за самим собой сквозь экран телевизора в «немом» режиме. С полки я наугад взял одну из книг, ориентируясь на название на переплёте. Ещё раньше я обнаружил, что объекты здесь, все как один, отражали мои воспоминания, из самых разных периодов моей жизни. Были книги, которые стояли на полке в моей комнате, ещё в те давние годы, когда я подростком жил с родителями. То здесь, то там я наткнулся на предметы быта, облик которых не вписывался в интерьер своей «винтажностью», и приглядевшись, я понимал, что неким, непостижимым образом эти предметы были брошены сюда моим подсознанием. Наверно глупо было пытаться искать разумный ответ – почему это так, но я не мог отделаться от этих вопросов и сомнений.

Книги, все как одна, снятые со своего насиженного места на книжной полке, внутри не имели текста, лишь пустые, белые страницы, как и моя жизнь – это было подделкой. Но я всякий раз находил в себе силы убеждать себя, что каждый такой обман служил своего рода украшательством, дабы иллюзия моя обрастала этой незримой вуалью аутентичности. Я не мог себя обманывать лишь в том, что мне всё же хотелось заглянуть под эту вуаль, чтобы узнать, что таилось там, по другую сторону этого «рая»

– Олег! – голос Инны донёсся до меня, вырывая из задумчивости, сопряжённой с сонливостью, оба этих «коварных духа» витали в воздухе надо мной – Олег, кажется к тебе пришли.

Эта реплика, когда смысл её окончательно оформился в мысль, заставила меня молниеносно забыть о умиротворяющем уюте.

«– Кто бы это мог быть?» – подумал я, вставая с дивана, настороженно вслушиваясь, словно дикий зверь, уловивший признаки охотника.

Инна появилась на пороге гостиной – словно из неоткуда, она смотрела на меня и улыбалась своей очаровательной, отчасти таинственной улыбкой. Её взгляд коснулся моего сердца, в тот же момент, заставив встрепенуться этот, не знающий покоя, «мотор»

– Это господин Перельман, с твоей работы. – пояснила Инна, произнося каждое слово столь выразительно, как если бы появления совершенно незнакомого мне человека, представившегося фамилией известного во всём мире математика, означало для неё прибытие «долгожданного мессии» – Господин Перельман говорит, что вам есть что обсудить, и вопрос не терпит отлагательств!

Инна явно собиралась что-то добавить к своей тираде, пропетой в столь торжественной форме, но за её спиной, словно рождаясь из пустоты не прорисованного коридора, появился тролль. Это был тот самый монстр из-под моста, я не смог бы спутать его ни с чем иным, его облик, «чудовищность» которого отражалась в отсутствии всякой персонификации, словно материализовался из пустоты, наполняя собой моё сознание, заставляя всю остальную иллюзию дистанцироваться.

Я встал со своего места, это моё движение само по себе было наполнено нервозностью, однако Инна уже не видела этого, её образ застыл, как это уже было ранее, при визите Кристенсона.

– Что тебе нужно? – спросил я у тролля, тот смотрел на меня, и с каждым мгновением, под этим взглядом, сердце моё наполнялось холодным страхом.

– А ты не рад меня видеть, Олег. – ответил тролль, голос его звучал всё тем-же, лишённым выразительных черт, тоном – Ты, очевидно, позволил себе слишком глубоко увязнуть в этой иллюзии.

Троль развёл руки и осмотрелся, словно пробуя пространство на ощупь.

– Здесь совсем неплохо, не так ли? И та, кого тебе так не хватало, тоже здесь. – тролль обернулся и посмотрел на образ Инны, лишённый движения, он словно слился с пространством. Он и был единым целым со всем этим иллюзорным миром.

– То, что сказал Кристенсон, это правда? – я сам не понимал, зачем я спрашивал, ответ был очевиден мне как никогда – Я вижу всё это по твоему наваждению, это игра моего подсознания, верно?

Троль ничего не ответил, лишь пристально присмотрелся ко мне.

– Вы, люди, прожигая отпущенное вам время, вне зависимости от обстоятельств, продолжаете будоражить себя вопросами, которые даже для вас самих – не имеют существенного смысла. Я подарил тебе то, о чём ты потаённо мечтал, возводя все эти «замки из песка» своих фантазий. Теперь ты можешь наслаждаться своей мечтой, всецело отдаваясь ей, покуда то, что питает твой мозг – ещё способно работать. Но нет, ты начинаешь бродить вокруг да около, слушать всяких умников, и надламывать столь деликатную структуру своей мечты.

Троль знал, о чём говорил, ему было ведомо всё, что происходило со мной здесь, в иллюзии, и я уже не мог позволить себе и тени сомнений в лживом характере этого мира.

– Значит тот город, тот мир, который Кристенсон и я видели, это тоже была выдумка, или же это твоё наваждение?

Троль не выказал какой-либо эмоции.

– Я всё равно не понимаю, как так получилось, что мы оба видели одно и то же. – настаивал я – Если это всё дело твоих рук, то зачем ты всё это подстроил?

Троль оскалился, очевидно, такой была его улыбка.

– Скажи, Олег, тебе хочется оставаться в этом мире, в этой, как ты её называешь, иллюзии, или же я могу позволить твоему видению погаснуть. Ты вернёшься обратно в свой мир, тебе потребуется какое-то время на восстановление, но потом океан повседневной серости, в котором ты едва не тонул, вновь примет тебя в свои объятия.

Мне больше всего хотелось закричать на тролля, он говорил так, будто это было какое-то предложение, но выбор здесь был без выбора.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты хочешь отнять у меня это...?

Троль сделал жест, призывая меня присесть на диван. Однако я не спешил соглашаться с этим его жестом, тогда монстр сам опустился на диван и мне ничего не оставалось кроме как последовать его примеру.

– Я не желаю отбирать у тебя это твоё последнее прибежище, которое ты так любил. – отвечал тролль, умело демонстрируя любезность в своём голосе – Однако, было бы непра-

вильно полагать, что я решил даровать тебе этот «минималистичный рай», не попросив взамен о услуге.

Моё сердце едва не оборвалось в этот момент. Я должен был полагать, что именно к этому всё и шло. Тролль вряд ли озаботился бы моими проблемами – не имея возможности получить что-нибудь взамен.

– Услуга? – переспросил я – Но что я могу для тебя сделать?

Тролль смотрел на меня, и его взгляд, словно нагретый на открытом огне, нож – проходил сквозь моё сознание, не встречая сколь бы то ни было существенной преграды.

– То, о чём я хочу тебя попросить, не потребует от тебя особых усилий. Если ты всё сделаешь правильно, то очень скоро вновь забудешь обо мне.

– Что это? – я не намеривался позволить его речам убаюкать мою настороженность.

– Завтра утром, когда ты покинешь этот прекрасный семейный очаг, образец семейного счастья, ты отправишься по улице, вдоль ряда домов из красного кирпича. Ты едва ли повстречаешь кого-то на пути, но если кто-то и покажется – не придавай тому значения. Тебе следует двигаться вдоль этой, одной единственной улицы. Периодически, вероятно, ты увидишь переулки, открывающиеся то тут, то там, и можешь даже почувствовать неосознанное желание свернуть с этого пути, этого делать нельзя.

– Почему? – изумился я, такая трогательная опека от тролля казалась более чем подозрительной – Что может ждать меня там?

Тролль пристально смотрел на меня, так, что в какое-то мгновение ко мне закралась мысль, будто бы монстр мог испытывать сомнения – был ли я тем, кому можно было доверить эту его просьбу.

– Я не рекомендую тебе проверять, искать ответ на этот вопрос. – ледяным тоном ответил тролль – То, что ты можешь там найти, может потерять тебя безвозвратно!

Я конечно не понял, что монстр имел в виду, но предпочитая не спорить, я нервно сглотнул, справляясь со спастическим комком в горле, и продолжил слушать.

– Олег, ты должен двигаться вдоль этой улицы до тех пор, пока среди абсолютно одинаковых домов, фасады которых украшены одинаковыми, аккуратно подстриженными деревьями, не явят тебе этакую «паршивую овцу» в стадии этого единообразия, это будет дом – отличающийся от всех остальных, на той улице.

Чуть помедлив, монстр добавил:

– То будет дом, который совершенно не вписывается в концепцию наблюдаемого вокруг, понимаешь?

Я кивнул, давая троллю понять, что значение его слов не были чужды моему пониманию. Пока он описывал мне мой предстоящий маршрут, пресловутые, однообразные дома буквально прорисовывались сквозь дымку тумана моей памяти. Сперва я подумал, что таким образом монстр разгонял «дымку забвения», но минутой позже в моём сердце поселилось сомнение – тролль мог с той же лёгкостью создавать новую иллюзию в моём сознании.

– В том доме нет ничего особого, Олег. Там живёт семья из трёх человек, супружеская пара, не очень молодая, и ребёнок, мальчуган лет одиннадцати.

Сам не зная почему, но при этих словах мне вдруг сделалось не по себе.

– Кто эти люди? – спросил я глядя на тролля, уставившись в его невыразительное, и от того особенно отталкивающее лицо.

– Они никто. – ответил монстр – Они никто для тебя, не значат ровным счётом ничего в твоей жизни. Тебе не стоит думать о них, как если бы они имели хоть какое-то значение в твоей жизни.

– Что я должен сделать? – я задал этот вопрос, подстёгиваемый сомнениями, мне вдруг стало любопытно узнать, чего же жаждал от меня тролль .

– Ты приблизишься к Алану, сыну этого семейства. Он один-единственный – кто сможет увидеть тебя. Ты заберёшь у мальчишки то, что позволяет ему существовать.

Я опешил от того, что услышал.

«– Что я мог забрать у одиннадцатилетнего мальчишки?» – такая мысль пронеслась у меня в голове.

– То, что даёт ему возможность оставаться в мирах иллюзий, Олег. Это всё не просто так. – тролль в очередной раз доказал правоту моего предположения о том, что он мог читать мысли.

– Почему ты сам не сделаешь это? Почему ты просишь меня?

Тролль, при этом вопросе, явно испытал сильное негодование.

– На то есть причины, Олег, поверь мне! – проговорил монстр угрожающе-шипящим голосом – Ты поймёшь, когда всё будет сделано.

Сказав это тролль в одно мгновение схватил меня за плечи, как это уже было тогда, при первой нашей встрече, его когтистые лапы погрузились в мою плоть, но на сей раз я не чувствовал пронизывающего тело холода. Перед взором моего сознания пронеслись образы, выстраиваясь в нечто напоминающее «киноряд», я видел то, что тролль доверял мне увидеть. Это был некий мужчина, молодой, одет в простую, ничем не примечательную одежду для прогулки, на момент происходящего, судя по всему, была осень, я заметил лужи вокруг и на короткий момент даже ощутил характерный аромат влажной, опавшей листвы. Мужчина стоял рядом с каменным мостом, но это было вовсе не то строение, где я повстречал тролля. Этот мост был совсем другим, примитивизм его конструкции компенсировался надёжностью и долговечностью, а то, как был выполнен этот мост – позволяло заключить, что строение было значительно старше моста в парке.

Мужчина стоял, словно вкопанный в землю столб, вытянувшись по струнке, вперившись взором в... меня! В следующий момент я понял, что наблюдения мои были воспоминаниями самого тролля, и неизвестный мужчина смотрел на него. Между ними состоялся какой-то разговор, содержание которого осталось сокрытым от меня, но я понял, что монстр проделал с несчастным нечто подобное, что он сделал со мной тогда, у моста, когда сознание моё стало жертвой его сомнительных манипуляций. Того непродолжительного времени, в течение которого я наблюдал за этой беседой, оказалось достаточно, чтобы в чертах внешности наблюдаемого мужчины, я узнал Кристенсона. Это был известный мне доктор Кристенсон, но значительно моложе, чем он есть сейчас. Тролль словно позволил мне увидеть крупицу своего собственного воспоминания из прошлого.

В следующий момент, отделённый от предшествующего киноряда короткой, яркой вспышкой, я уже видел интерьер дома, в котором царил скромное убранство и приятная атмосфера уюта. Там были мужчина и женщина, но тролль хотел показать мне нечто иное. Он провёл меня, а точнее – моё сознание, словно на невидимом поводке, вверх по узкой, неудобной лестнице, на второй этаж дома. Там, среди нескольких дверей, он безошибочно выбрал одну, окрашенную в белый цвет, за ней обитал еще один член незнакомого мне семейства. Это был мальчишка лет одиннадцати или около того, с копной нечёсанных волос. Он сидел спиной к нам, за столом, увлечённо орудуя какими-то инструментами. Вокруг него, на полу, были разбросаны разные игрушки, из пластмассы и алюминия. Это были какие-то элементы конструктора, реплики инструментов, из специальных детских наборов, служащих тому – чтобы привить детям любовь к профессии.

– А не велик ли он для всего этого. – сказал я, словно понимая, что ни мальчуган, ни его родители внизу, не услышат меня.

– О да, Олег, ты прав, как никогда ранее. – интонация тролля выдала нотки некоего триумфа, как если бы он услышал от меня нечто, что хотел услышать – Не в его возрасте питать слабость к этому...

Мой взгляд, тем временем, оценил комнату, я обнаружил, что среди характерных предметов обихода, у ребёнка имелись и весьма необычные для его возраста предметы. Среди них были книги, толстые, в потёртых переплётах с отчасти выцветшими литерами заглавия. Я пригляделся, мой проводник позволил мен различить некоторые из фолиантов, это были труды по анатомии, нормальной и патологической физиологии.

– У мальчишки не по годам развитый интерес к естественным наукам. – нашёл я, что сказать по этому поводу.

– О да, Олег, его интерес развит не по годам! – сказав это, тролль явно приложил некоторое усилие, чтобы не усмехнуться, хотя этого никто бы и не услышал, кроме нас двоих.

Я какое-то время стоял там, позади этого мальчишки, который даже и не подозревал о моём присутствии. Складывалось впечатление, будто имей я свою материальную выраженность в тот момент, ребёнок всё равно не заметил бы меня, слишком далеки были наши сознания друг от друга.

Я подошёл поближе, так, чтобы стоя рядом с мальчишкой, увидеть его лицо, отчего-то мне стало любопытно, как выглядел этот маленький человек, с головой окунувшийся в одному ему известный мир.

Перед занятым своими трудами ребёнком лежала деревянная разделочная доска, заменившая юному натуралисту предметный столик, на доске лежал едва покрывшийся пухом раннего оперения птенец неизвестной мне породы птицы. Я никогда не разбирался в видах. Птенец едва трепыхался, но силы, очевидно, уже оставили его несуразное, маленькое тельце. Мальчишка, орудуя металлическим скальпелем с широким пером, уже отсёк птенцу обе лапки, из-за чего кровь разбрызгалась по разделочной доске, попала на стол и несколькими пульсирующими струйками, на самом издыхании своего импульса, угодила на светло-синюю футболку мальчишки, оставив два ярких пятна. Ребёнок, очевидно опасаясь последствий, пытался избавиться от этих улик своей «непосредственности» нашедшей выражение в столь «уродливых формах» Его усилия, тем не менее, обернулись крахом. То, что изначально было двумя пятнами брызг, теперь размазалось и хоть и стало тусклым, зато обрело значительную площадь. Это обстоятельство вызвало у мальчишки явное недовольство. Черты его детского лица, лишённого морщин и чрезмерной осмысленности во взгляде, в один момент приобрели совершенно уродливую гримасу – собравшись в единый пучок внезапно-пробудившегося гнева. Верхняя губа мальчика поднялась к носогубному треугольнику, обнажая кривые зубы, глаза сузились а на переносице образовались складки. Если бы его уши, при этом, приобрели остроконечную форму, то его легко можно было бы принять за мифического гоблина, покинувшего своё укрытие.

Эта гримаса, коренным образом меняющая впечатление о ребёнке, оставалась на своём месте совсем не долго. Считанные секунды я глядел на это создание, пока его мимические мышцы вновь не расслабились, возвращая лицу своё привычное выражение. Со столь характерной его образу детской непосредственностью, ребёнок принялся нарезать плоть, издыхающего под острием его скальпеля, птенца на доли. Процесс был начат с самых дистальных отделов, так, чтобы оставить себе задел для продвижения к центру. Возможно, ребёнок испытывал нездоровый интерес к тому, насколько организм подопытного создания способен адаптироваться к столь резкой и поспешной смене своей пропорциональности. Однако эксперимент юному натуралисту не удался, и вскоре, буквально несколько отсечённых долей от несформированных крыльев, птенец умер, замер на своём жертвенном алтаре. Мальчишка не предал этому значения, продолжая свою монотонную, но методичную работу по дроблению целого на части.

– Что, чёрт подери, он делает? – наконец спросил я у своего проводника.

Тролль стоял поодаль от меня и словно замороженный, смотрел на мальчишку. Едва ли я ошибся тогда, предположив, что монстр находил некоторую отраду, наблюдая за тем, что

делал этот юный живоде́р, но мне по-прежнему было непонятно, зачем тролль показывал мне всё это и в чём заключалась моя роль.

– Ты придёшь сюда ночью, когда все они будут спать. – говорил тролль, когда мы оба обнаружили себя на берегу реки, в известном мне месте, вблизи моста – Я научу тебя как проникать в их сны. Ты сможешь осилить этот навык, хотя ты и человек.

– Проникать в их сны? – переспросил я, недоумевая от того, что только что услышал – Как? Зачем?

– У этого умения может быть много достойных применений. – ответил тролль, нарочито избегая конкретики – Для начала же, ты должен будешь проникнуть в сон мальчишки и забрать его сущность. Этому я тебя тоже научу...

Тролль вновь оказался рядом со мной, я никак не мог привыкнуть к этому предательскому испугу, возникающему каждый раз, когда между мной монстром оставалось довольно короткое расстояние. Он вновь коснулся меня своими когтистыми лапами, подобные клинкам – когти вошли в мою плоть не зная преграды. Когда тролль вновь был поодаль, стоял и смотрел на меня оценивающе, я ощутил как во мне появилось нечто такое – ранее неведомое, словно бы еще одно чувство стало мне доступно. Это было ощущение присутствия чего-то необычного в самом воздухе, я осмотрелся, полагаясь на более привычные органы чувств, но ничего не увидел.

– Не суетись, человек. – проговорил тролль – Тебе не привычно ощущать присутствие этого явления – сна.

– Сна? – я уставился на тролля – Как прикажешь это понимать?

Тролль вздохнул, демонстрируя своё отношение к степени моего невежества, которое, по моему мнению – в данной ситуации было вполне обосновано.

– То, что ты чувствуешь, это сны людей, которые стали для тебя словно прорехи в стене, через которые в твой скучный мир прорываются лучи света и порывы свежего воздуха. Давай, Олег, прекрати хандрить, вдохни полной грудью! Кто ещё из смертных удостоивался этого дара!

– Дара? Ты хочешь сказать, что подарил мне этот...навык? Но зачем? – я прекрасно понимал, что тролль действовал исключительно в своих интересах, посему мне становилось более чем не по себе от одной только мысли о «дарах» полученных от этого создания.

– У всего есть своя цена, здесь ты прав. Но тебе несказанно повезло. Условия, на которых ты получаешь мой дар – крайне щедры. Ты сможешь мне, взамен я научу тебя тому, что делает твоё существование в этом мире иллюзий – неподдельным. Ты сможешь влиять на этот мир так, как тебе не было дано в твоей прежней жизни смертного.

Я задумался над каждой фразой, сказанной троллем, от этих слов веяло холодом, а внутри вновь рождалась тревога.

– Закрой глаза и постарайся почуять это! – едва ли не командным тоном сказал тролль – Ты привык полагаться на свои несчастные слух и обоняние, а теперь, постарайся раздвинуть эти границы, ты непременно почувешь этот зов.

«-Почуешь этот зов...» – мысли мои вторили словам тролля.

Я сделал как он сказал, сомкнув веки и позволив моему сознанию прикоснуться к букету из этих ощущений, привычные мне запахи, ароматы, сперва я отстранился от них, это было не так сложно, затем настала пора звуков. Поскольку вокруг царил тишина, сделать это оказалось ещё проще, а поскольку мои глаза были прикрыты, ничего не тревожило мой взор, однако, визуальные образы настойчиво цеплялись за сознание, не желая оставлять меня. Один за другим, я отметал прочь эти видения, некоторые из которых были детальными, другие – размытыми формами. Однако, в этой череде образов, самым последним и самым живым была она – Инна. Она стояла передо мной, в своём живом воплощении, и на её губах играла улыбка, та самая улыбка – которой она приветствовала меня всякий раз, когда мы встречались после

периода проведённого поодаль друг от друга. Наконец, и она растворилась в темноте. Я продолжал ощущать явное присутствие какой-то силы, какой-то незримой материи, она не была ни звуком, ни запахом, не обладала ни единой чертой, которая помогла бы мне вывести её образ.

Когда я открыл глаза, я увидел, как в пространстве, в самых различных плоскостях, словно туман, висели парообразные вещества. Они были светло-белого цвета, и оттого ещё больше походили на туман, однако их форма напоминала тропы, пересекающие само пространство.

– Видишь? – спросил Троль, проводя когтистой рукой по нескольким облачкам сразу – Это нити сна, каждая из них ведёт к тому, кто сейчас грезит. Следуя каждой отдельной нити, ты найдёшь сон человека, где бы тот не находился. А с моим даром, ты сможешь либо стать частью его видения, вмешиваясь в ход разыгрываемых там событий. Ты также сможешь забирать у этих людей их сущность, если конечно захочешь.

– Забирать сущность? – переспросил я – Но зачем? Зачем мне это нужно?

Троль рассмеялся.

– Аппетит, как известно, приходит во время еды. То, что сейчас кажется тебе бесполезным, может оказаться весьма кстати впоследствии.

– Почему ты хочешь, чтобы я забрал сущность того мальчишки? Что с ним не так?

Троль ухмыльнулся в ответ:

– А разве ты не видел, Олег? Разве я не показал тебе то, что в упор не замечают его родители?

Разумеется я понимал, о чём говорил троль, но увиденное не позволяло мне понять, в чем заключался замысел монстра.

Мальчишка, судя по всему, был не в себе, говоря проще – больной, и недуг этот скрывается от глаз его родителей, или же они сами закрывают на него глаза.

– Верно! – подхватил ход моих мыслей троль, в очередной раз демонстрируя свои способности читать мои мысли как открытую книгу – Ты верно рассуждаешь, Олег. И подумай еще о том, что будет с ним дальше, когда он подрастёт, станет зрелым, его нынешний, бесхитростный ум отточится, приобретая острые грани – что лезвие его скальпеля. Кто потом займёт место на его «разделочной доске»?

Я посмотрел на тролля, он выглядел самодовольным, едва ли не наслаждаясь ситуацией.

– Но как мы можем сейчас, заранее, судить о том, что может быть в будущем? – недоумевал я, всё больше понимая, к чему вёл троль.

Пожав плечами, монстр сказал:

– Ты или сделаешь, как я прошу, или поплатишься за своё упрямство своим же, недавно обрётённым счастьем!

Меня насторожили эти слова.

– Ты собираешься отнять у меня то, что даровал? – задав этот вопрос, я так и не дождался ответа от тролля. Вместо этого, монстр проводил взглядом одну из облачных троп, очевидно давая мне понять, что именно эта нить вела туда, куда он меня направлял.

– Знаешь, – заговорил наконец троль – я дам тебе время подумать над всем, что ты увидел. Не долго, у тебя есть всего несколько дней, в той их мере, как они протекают в твоей персональной иллюзии, затем, или ты поможешь мне, или же я верну тебя туда, откуда ты пришёл, вернее даже сбежал, как побитый пёс. Там, очутившись в своей реальности, ты, прежде чем умереть, вдоволь насладишься муками совести, от которых я позволил тебе укрыться.

Словно сопровождая свои слова доказательством, троль вызвал образ Инны, она возникла в нескольких шагах от меня, всё столь-же сияющая жизнью, с её бесконечно-тёплой улыбкой и несмываемым из памяти взглядом. Она стояла неподвижно, притянув к себе моё внимание, я невольно сделал несколько шагов по направлению к ней, когда она вдруг ожила.

– Олег, ты видел где-нибудь мою книгу? – спросила Инна, как ни в чём не бывало – Я, кажется оставила её где-то здесь, но никак не могу найти.

Инна огляделась по сторонам, и хотя мы находились на берегу реки, было очевидно, что она существовала совершенно в другой реальности.

– Может дети взяли, да опять закинули куда? – спросила Инна несколько задумчивым тоном – Мне кажется, пора бы приучить их уже оставлять вещи там, где они их нашли. Как считаешь?

Мне было больно смотреть на то, как она существовала в коконе вымышленной реальности, понимая, что и она сама была плодом моего воображения.

– Я... – начал я, запинаясь – я поговорю с ними... Обещаю.

Сам того не заметив, я сделал ещё один шаг к ней, и вот мы уже были в нашей уютной гостиной. Она смотрела на меня, я не мог отвести взгляда от её лица, ещё секунда-другая и её нежные, тонкие запястья сомкнулись вокруг моей шеи, заключая меня в объятия.

Я был один в гостиной, судя по всему это был утренний час, Инна оставалась в спальне, в пространстве царила тишина. Подождав немного у двери, я приоткрыл её, снаружи пространство прорисовалось однообразным пейзажем домов, лужаек, деревьев выстроившихся в аллею. Я стоял какое-то время на крыльце, прежде чем заставил себя закрыть глаза и сосредоточиться на том чувстве, которое стало мне доступно.

Это оказалось совсем не сложно. На этот раз я довольно легко разогнал прочь все остальные ощущения, расчистив дорогу для нитей сна. В пространстве вновь висела паутина из тумано-подобных дорожек. Осталось выбрать ту, которая нужна была мне. Я словно бы прислушивался к каждой, впитывая информацию в совершенно неизвестном мне ранее формате. Так, очень скоро, я нашёл ту нить, следуя которой я добрался до порога сна искомого мною человека.

Часть 4

Доктор Кристенсон возвращался домой, утренний бриз раздувал полы его плаща, который тот предусмотрительно брал с собой на каждую подобную вылазку на озеро. Погода была ясной и в небе не было ни единого предвестника дождя, однако доктор предпочитал быть готовым к любому развитию ситуации. Он был обут в резиновые сапоги с грубыми штанами из хлопчато-бумажной ткани, штанины которых были заправлены за голенища сапогов. На голове доктора была шляпа из прочной, влагоотталкивающей ткани. Из-под полей шляпы на мир, наполненный статичными, яркими красками, смотрела пара молодых, ярких, полных жизненной силы глаз.

Совсем редкие автомобили проезжали вдоль не широкой дороги, а редкие фигуры людей, появившиеся исключительно вдалеке, столь же внезапно исчезали. Это было лето молодости еще только начинающего учёного, когда тот – возвращаясь с утренней рыбалки, увидел движущегося ему навстречу мужчину. Присмотревшись как следует, доктор удивился, замерев на месте, выронив из рук удочку и жестяное ведро, которое упало, не издав и звука.

– Кристенсон. – мужчина приветствовал доктора коротким кивком, как если бы они уже неплохо знали друг друга.

– Олег...! – удивился доктор, на его лице вновь пролегла сеть глубоких, старческих морщин, цвет глаз потускнел, а когда он сдвинул назад шляпу, то стало очевидно, что волосы доктора приобрели характерный оттенок седены – Как вы здесь оказались?

Я рассказал Кристенсону о том, что мне довелось узнать от тролля, о том, что монстр показал мне и о чём попросил. Доктор выслушал меня, не проронив ни слова. В его взгляде я прочёл тревогу, это позволило мне понять, что Кристенсон не имел причин считать меня безумцем. В конце концов, на моей стороне были весомые доказательства, я проник в его сон, и своим появлением я обрушил ту скромную иллюзию, которой доктор наслаждался.

– Что это было? – спросил я – Это место, где я вас встретил это как-то связано с вашей личной историей.

Кристенсон отмахнулся в ответ:

– Места моей юности, я некоторое время жил у озера, в маленьком уезде. Это продолжалось совсем не долго, но оставило неизгладимый след.

Я понимающе кивнул.

– Стало быть, – продолжал доктор – это существо, ты называешь его троллем, позволило тебе увидеть сон другого человека?

Я подтвердил правильность трактовки, Кристенсон всё понял верно, разве что за исключением самых незначительных деталей.

– Этот мальчишка, которого вы оба видели, он сознательно убил птенца?

Я не спешил с ответом. Внутри, я понимал, что здесь ненадчем было раздумывать, я видел то – что видел, и мальчишка действительно убивал создание без тени сожаления, но мне не хотелось выносить окончательный вердикт.

– Как ты думаешь, Олег, – спрашивал Кристенсон – почему именно этот мальчишка, даже с учётом его перверсии, стал объектом интереса для этого тролля?

Я пожал плечами. Вот уж точно чего я не понимал, так это мотивов монстра.

– Ты говоришь, он сделал акцент на том, что ребёнок проявляет этикие девиантные черты поведения.

Я кивнул, в очередной раз доктор был на верном пути.

– Но сколь много таких зачатков перверсии в мире, и все они, в то или иное время, спят. Почему же тогда именно этот мальчишка попал в поле зрения твоего тролля?

– Тролль говорил, что это связано с его отцом. – я поспешил объяснить ту часть, которую, очевидно, забыл осветить – Еще тролль, быть может непреднамеренно, показал мне сцену из его собственного прошлого. Как и в моём случае, монстр повстречал мужчину и задал ему вопросы. Это был молодой человек, лет этак тридцати, и знаете, Кристенсон, вы будете смеяться, но этот человек был до боли похож на вас. Да, именно, он выглядел как в моём представлении вы могли бы выглядеть в молодости.

Кристенсон подозрительно долго смотрел на меня, и на сей раз его взгляд казался мне преисполненным подозрений.

– Мне кажется, тролль что-то недоговаривает. – заключил я, только чтобы вернуть внимание Кристенсона обратно, столь долго длилось его молчание.

– Он угрожает вам. – как-бы подытожил доктор, словно бы предшествующей части нашего разговора и не было вовсе – Но как вы сами оцениваете характер его угрозы?

Я не спешил с ответом, мне трудно было признать, что шантаж, на который пошёл тролль, выглядел весьма нелогично и неубедительно. Монстр обещал, в случае моего отказа, забрать у меня то, что в действительности не существовало. Доктор, очевидно, пытался таким образом натолкнуть меня на эту мысль, полагая, что так я обрету способность принять радикальное решение и положу конец этому противоестественному «спектаклю» Однако Кристенсон не мог понимать до какой степени я был загнан, очутившись в ловушке, в клетке, прутьями которой служили мои собственные иллюзии.

– Он говорит, – отвечал, наконец, я – что моё возвращение... То есть пробуждение, станет фактически приговором.

Доктор, не задумываясь, отмёл прочь это допущение.

– Нонсенс! Слышите, Олег! Это не правда. Я видел вас, ваше состояние, там, в больнице. Вам понадобится какое-то время на восстановление, но это нормально...

– Я говорю не про физиологию, Кристенсон, неужели вы не понимаете!

Доктор смотрел на меня своим пристальным взглядом, и казалось – я научился различать в нём сочувствие.

– Мне не просто, – продолжал я – хотя я и понимаю свою ситуацию.

– Вы живете иллюзией, – мягким, полным сострадания, голосом проговорил доктор – Так нельзя, Олег. Что бы это ни было, называйте его хоть тролль, хоть монстр, но это подменило вам жизнь. Нельзя идти на поводу у него.

Я ничего не ответил, лишь отвёл взгляд и изобразил глубокую задумчивость.

– Расскажите мне о том, что это за люди, ребёнка которых вам предстоит... посетить.

Я поднял взгляд на доктора, Кристенсон продолжал смотреть на меня в том же духе. Я поведал ему всё, что знал о семье. Информация была скудной, главным образом касалась их дома, кого я там видел и некоторых, совершенно незначительных деталей.

– Я предлагаю поступить следующим образом. – сказал доктор – У вас ещё остаётся какое-то время, ведь так? Срок, отпущенный вам, ещё не истекает.

Я утвердительно кивнул.

– Так вот, – продолжал Кристенсон – я наведаюсь к той семье, и посмотрю, что там такое.

Я не ожидал подобного предложения. Прежде всего, оно не приходило мне в голову, да и я представить не мог, что Кристенсон пойдёт на подобное, ради меня.

– Когда я могу посетить вас, Кристенсон? – я ответил вопросом на предложение доктора, тот слегка улыбнулся, отводя взгляд в сторону, что-то прикидывая в уме.

– Знаете, я думаю мне потребуется не так уж много времени. Судя по тому, что вы мне рассказали, мне кажется, я знаю этот дом и эту семью...

Я покинул сон доктора, позволив Кристенсону получить его заслуженный отдых, хотя я и не был уверен, как моё появление и разрушение иллюзий спящего, влияли на физиологическую составляющую сна. Вернувшись туда, где в вымышленной реальности, находился мой дом, я некоторое время стоял на пороге, упершись взглядом во входную дверь. Я представлял, как там, с обратной стороны этого, прорисованного моим подсознанием, трёхмерного объекта, находилась бескрайняя пустота, полнейшее ничто, которое вот-вот обернётся продолжением моей фантазии.

В доме царил тишина, Свет во всех комнатах был выключен, и я на ощупь проложил себе путь в спальню. Инна ждала меня, в кромешной пустоте. Она встретила меня приветственной репликой, в её голосе звучали нотки тревоги.

– Тебя долго не было, Олег.

Я не сразу же ответил, что-то породило комок в горле, чтобы справиться с которым, мне пришлось приложить некоторое усилие.

– Я задержался, это бывает...

– Кто задержал тебя? – тут же последовал вопрос, и я вспомнил как когда-то, в реальной моей жизни, именно так начинала развертываться пропасть между нами, словно узкая, но глубокая трещина, сомнение ложилось на фундамент нашей жизни.

«– Зачем ты это показываешь мне?» – мысль моя направила этот вопрос троллю, который, я был в этом уверен на все сто, наблюдал за мной.

– Приходил тот господин, с которым вы недавно разговаривали в гостиной. – сказала Инна, не дождавшись моего ответа на свой вопрос.

– Да, серьёзно... – я искренне не удивился услышанному, очевидно тролль таким образом прямо сейчас напоминал мне о нашем «уговоре» – и что он хотел.

– Ничего, – ответила Инна в непринуждённой манере – просто попросил, чтобы я напомнила тебе о каком-то важном деле, которое имеет место между вами.

Я молчал.

– Олег, – Инна продолжила, и поскольку я не смотрел туда, откуда доносился голос, создавалось впечатление, что звук этот рождался в моём сознании – пожалуйста скажи мне, у нас всё в порядке?

Я удивился этой формулировке. Разумеется, это тролль пытался манипулировать ситуацией, я понимал это, я был отрезвлён последними событиями и беседой с Кристенсоном в частности, однако – сама постановка вопроса выбила меня из калии.

– Разумеется у нас всё в порядке. – поспешил ответить я – О чём таком ты беспокоишься?

– Я не знаю... – ответила Инна, и вновь я слышал ноты, которыми некогда в моей жизни звучал голос самой прекрасной женщины, дарованной мне и отнятой – моей несостоятельностью – Мне тревожно, понимаешь...

Мне потребовалось собраться с силами, сжимая кулаки, так, что руки онемели, но я всё-таки сумел вернуть себе понимание и следовательно – контроль над ситуацией.

– Незачем тревожиться, – ответил я – стараясь заставить время течь как можно быстрее. Вскоре ко мне пришёл сон, перезагружая эту вымышленную реальность, он вернул меня в утро, где я вновь сидел в кресле, отстранившись от прекрасно-разыгрываемого спектакля «утренней суеты», в котором было всего трое актёров – Инна и дети.

Часть 5

Это был выходной день, раннее утро, когда Кристенсон покинул свой дом, управляя своим стареньким SAAB, позволяя себе превысить скорость – установленную своим собственным – внутренним скоростным лимитом. По обочинам асфальтированной дороги скопилось много жёлтой, опавшей листвы. Там, где повороты были особенно круты, автомобиль доктора смещался достаточно близко к краю, чтобы заставляя снопы листьев взмывать в воздух, задерживаясь там и медленно планируя – рассеиваться по всех доступной им поверхности проезжей части.

Шины буквально шелестели, касаясь намокшего асфальта, воздух оставался по-осеннему влажным, и Кристенсон держал стекло водительского места приоткрытым на несколько сантиметров, дабы специфический аромат осеннего утра проникал в салон автомобиля. Город Шиксаль остался позади, когда доктор увидел первый дорожный указатель, которому ему предстояло следовать. Вскоре, свернув с главной дороги, автомобиль встал на грунтовую поверхность, вполне широкой просеки, двигаться по которой – не составляло труда. Пришлось сбавить скорость, разумеется, но сгустившийся, с обеих сторон от дороги, лес, лишь дополнял общую атмосферу утра.

Дорога, по которой теперь двигался Кристенсон, становилась несколько уже и вскоре начала петлять, заставляя мужчину быть более осмотрительным. Вскоре лес поредел, и сквозь нестройные ряды деревьев стало просматриваться заросшее дикими травами поле. Кристенсон прекрасно помнил, как в былые годы, годы его молодости, владелец этих земель выращивал здесь какие-то культуры и пытался вести собственное фермерское хозяйство, борясь с капризами природы. С переменным успехом, семья Ландфельдов лавировала между благосостоянием и жизнью «по средствам», как правило в неудачные годы никто о них почти ничего не слышал. Все в округе знали, что некие Ландфельды, семья из трёх человек, молодая пара с маленьким ребёнком на руках, купили себе довольно внушительный участок за городом и старый дом. Глава семейства намеривался изменить жизнь своей семьи кардинальным образом, и в общем у него это получилось. Переехав загород, они отрешились от всего мира, предав огню все мосты за собой, так, что теперь ни друзья, ни родственники не могли с ними связаться.

Свою территорию Ландфельды охраняли ревностно, старательно оповещая о нетерпимости к чужакам и нарушителям режима частной собственности. Однако и к местным властям они не обращались, даже когда их сын подрастал, Ландфельды приняли решение, что мальчишка не пойдёт в школу с другими детьми. Отец, вероятнее всего, видел в этом угрозу своему авторитету, и что важнее – авторитету религии, которой вся семья ревностно поклонялась и доктрину которой – чтילה превыше всех остальных законов.

Местные органы по надзору неоднократно пытались пробиться к Ландфельдам, чтобы иметь возможность осведомиться о состоянии ребёнка, но это удавалось им с переменным успехом и часто – не без серьёзных усилий.

Когда Кристенсон наконец прибыл, он припарковал свой автомобиль на обочине, на некотором расстоянии от старого, ветхого дома, который уже много лет был необитаем, стоя на своём многовековом месте, продуваемый всеми ветрами. Доктор не спеша подошёл к крыльцу. Решение войти внутрь далось ему не сразу, поскольку нельзя было быть уверенным в том, насколько это было безопасно.

Под ногами то и дело скрипели доски, иногда скрип сменялся на предательский треск. Внутри дома практически ничего не осталось от прежней жизни, от людей, некогда населявших эти стены. Запах затхлости, пыль, и темнота.

Кристенсон хорошо знал историю Ландфельдов. Ещё в самом начале своего профессионального пути, доктор не мог обойти стороной резонансную историю о том, как ведущая уединённый образ жизни семья стала жертвой собственной замкнутости.

Сын Ландфельдов, Алан, никогда не был учащимся общей школы, но работники надзорных инстанций, которым время от времени удавалось повидать мальчика, утверждали, что с ребёнком всё было не так просто.

Существуя лишь в форме слухов, рождённых субъективностью поверхностной оценки ситуации, некоторые сведения указывали на то, что Алан страдал формой психического расстройства, которая сочетала в себе черты целого ряда отклонений. Не все из которых были безвредны для окружающих.

Кто-то из соопработников утверждал, что мальчишка испытывал странную тягу к истязанию животных. В частности его мать рассказывала, пользуясь случаем, когда ей всё же удавалось контактировать с другими людьми, когда мужа не было поблизости, что Алан отрезал кошкам хвосты, используя садовый секатор. Это его деяние носило странный характер ещё и потому, что сам мальчишка, при этом, не выражал каких-либо эмоций, что могло бы помочь определить его психологическое отношение к деянию.

У Алана не редко случались конфликты с отцом, по одним только Ландфельдам известным причинам. Но мужчина, в попытках усмирить всё более агрессивного сына, получал серьёзные травмы, что не могло не беспокоить супругу.

Сам Кристенсон никогда не видел Алана, но ему довелось разговаривать с Брокком Ландфельдом – отцом мальчишки. Это случилось незадолго до несчастья в этой семье.

Брок был доставлен полицией в приёмный покой, после того как его нашли на дороге между городом и его домом, измотанным, бредящим что-то и совершенно не ориентирующимся в пространстве.

Брок вскоре пришёл в себя, до той степени, при которой с ним можно было вести диалог. Тогда, ещё начинающий врач, Кристенсон имел возможность беседовать с мужчиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.